

Материалы научно-практической конференции «Топонимия российского города — между прошлым и будущим» (Санкт-Петербург, 19 ноября 2013 г.)

Д. В. Петров

НА УГЛУ «3 ИЮЛЯ» И «25 ОКТЯБРЯ»: БЛОКАДНЫЙ ПОВОРОТ ТОПОНИМИКИ

(к истории возвращения названий в блокадном Ленинграде)

Незадолго до полного снятия фашистской блокады, когда подготовка к операции «Искра» уже вступила в свою завершающую стадию, 13 января 1944 г. в Ленинграде было принято судьбоносное решение. Впервые в СССР здесь произошло массовое возвращение исторических названий улиц, проспектов и площадей, переименованных после 1917 г. в духе топонимической «политики» пришедших к власти большевиков¹.

Семьдесят лет назад были восстановлены названия 20 городских проездов, составляющие «золотой фонд» не только истории города на Неве, но и всей отечественной культуры. Этот единовременный массовый отказ от идеологических советских наименований в пользу прежних, хотя бы отчасти неминуемо ассоциировавшихся и с российской монархией, и с православной церковью, — исключительный шаг. За весь последующий период советской истории, не считая времени перестройки, ничего подобного ни в одном населённом пункте страны более не происходило.

Вот этот перечень:

№	Наименование на начало 1944 г.	Наименование, возвращённое 13 января 1944 г.
1.	Проспект 25 Октября	Невский проспект
2.	Улица 3 Июля	Садовая улица
3.	Проспект Красных Командиров	Измайловский проспект
4.	Площадь Красных Командиров	Измайловская площадь ²
5.	Площадь Жертв Революции	Марсово Поле

¹ Точные сведения об этих переименованиях, совершившихся в 1918–1923 и 1939 гг., см.: Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013 (далее — БТЭ).

² Это название в **определённом смысле** «новодел», поэтому некоторые исследователи полагают, что в данном случае произошло не восстановление старого наименования, но переименование. Дело в том, что до революции эта площадь называлась *Троицкой* (БТЭ. С. 442–443). При этом в Петербурге было две площади с таким названием, другая находилась на Петроградской стороне. По этой причине не исключено, что в народе для различения одну из площадей называли *Троицкой-Измайловской* — по находящемуся на ней собору расквартированного в этом районе лейб-гвардии Измайловского полка. Таким образом, в 1944 г. в определённом смысле имелись основания для отнесения смены этой пары топонимов к возвращению, а не переименованию. Однако всё же оно не удалось, потому что в итоге в обиходе, а затем и официально (после 1963 г.) окончательно закрепилось название «*Троицкая площадь*».

№	Наименование на начало 1944 г.	Наименование, возвращённое 13 января 1944 г.
6.	Площадь имени Воровского ³	Исаакиевская площадь
7.	Площадь имени Плеханова	Казанская площадь
8.	Проспект имени Володарского	Литейный проспект
9.	Проспект имени Нахимсона	Владимирский проспект
10.	Проспект Карла Либкнехта	Большой проспект Петроградской стороны
11.	Улица Розы Люксембург	Введенская улица
12.	Набережная имени Рошала	Адмиралтейская набережная
13.	Проспект имени Рошала	Адмиралтейский проспект
14.	Улица имени Слуцкого	Таврическая улица
15.	Советский проспект	Суворовский проспект
16.	Проспект Пролетарской Победы	Большой проспект Васильевского острова
17.	Проспект Мусоргского	Средний проспект Васильевского острова
18.	Проспект Железняка	Малый проспект Васильевского острова
19.	Площадь Урицкого	Дворцовая площадь
20.	Набережная 9 Января	Дворцовая набережная

В придачу к подлежащим восстановлению дореволюционным названиям путём переименования упразднялось и одно типично советское, а именно: *проспект Ленина* становился *Пискаревским* (в 1905–1923 гг. он назывался *проспектом Петра Великого*).

Зададимся вопросами: что именно стояло за этим решением партийных руководителей блокадного города, посмевавшихся отказать от имён и событий, которые полагалось «свято» чтить каждому истовому большевику? Как принималось это постановление, и кто его подлинный автор? Какой урок из советской истории преподносит нам это решение?

I. Как это было

Подлинные материалы, которые проливают свет на то, каким образом в блокадном Ленинграде созревало решение, стоявшее на грани идеологии, политики и топонимики, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД) рассекретил лишь в 2008 г.

Как оказалось, в данном случае «просьбы трудящихся» (обычная ширма, широко использовавшаяся властями СССР для принятия важных решений) к делу отношения не имели. Более того, вся предварительная работа, приведшая в конечном итоге к постановлению 1944 г., осуществлялась исключительно по партийной линии под грифом секретности.

Самый ранний из обнаруженных документов, в котором содержится инициатива по возвращению исторических наименований ленинградских проездов, — это секретная докладная записка от 8 октября 1943 г., поданная главным архитектором Ленинграда Н. В. Барановым на имя второго секретаря обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова и председателя Исполкома Ленгорсовета П. С. Попкова⁴.

³ Характерно, что официальные полные советские названия улиц, проспектов и площадей в честь тех или иных «героических» персон, как правило, принимались именно в такой форме: «Улица имени...», но впоследствии ввиду громоздкости конструкции их неофициально упрощали.

⁴ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 392–394об.

Под внешне нейтральными формулировками в ней, по сути, проводится мысль о том, что большевистские идеологизированные названия, искусственные и в ряде случаев труднопроизносимые, не приживаются в народе как не отражающие многовековую историю страны. Неудивительно, что эта докладная, вероятно, именно из-за своей мотивировочной части в течение десятилетий оставалась секретной. Поэтому приводим сейчас эту часть документа целиком — ведь она, к сожалению, актуальна и по сей день, поскольку в России до сих пор остаются тысячи безликих, конъюнктурных, однообразных топонимов, навязанных стране советской властью, уже давно, казалось бы, канувшей в небытие.

Н. В. Баранов пишет: «*История 240-летнего развития Ленинграда и его прекрасный архитектурный облик ярко отражают многочисленные волнующие страницы истории России.*

Это нашло своё яркое отражение и в наименовании улиц, проспектов, площадей и набережных, т. к. эти наименования весьма характерны для Ленинграда и присущи только нашему городу.

Население не только Ленинграда, но и всей страны усвоило эти наименования, связало с ними определённое представление об отдельных частях города.

Между тем многие новые наименования улиц, проспектов, площадей и набережных оказались неудачными, неудачно связаны с красочной историей города⁵, трудными в произношении и тем самым не нашедшими себе признание населения города.

Непопулярность новых наименований затрудняет ориентацию пешеходов и внутригородского транспорта».

По всей видимости, изначально инициатива по возвращению названий произвела своеобразное смятение чувств у партийных товарищей, которым предстояло одобрить решение, совершенно

⁵ Выделено мною. — А. П.

Докладная записка Н. В. Баранова на имя А. А. Кузнецова и П. С. Попкова от 8 октября 1943 г. (ЦГАИПД)

необычное для государства, где отступление от большевистской идеологии даже в частностях могло очень дорого стоить.

В проекте, датированном октябрём 1943 г., восстановление исторических названий предлагалось произвести с 1 декабря, но этого не случилось, поскольку в привычном секретном режиме началось согласование перечней возвращаемых названий, занявшее немало времени.

В результате из первоначального списка, в котором предлагалось к возвращению 22 названия, было исключено 5, но при этом добавлено 3 новых (из предложенных 7). Более конкретно о секретной до недавних пор истории возвращения конкретных наименований будет подробно рассказано далее.

Срок вступления решения в силу из проекта изъяли, а он сам был направлен на согласование в ЦК ВКП(б) непосредственно И. В. Сталину⁶. В последней докладной «Ленинградский городской комитет ВКП(б) просит разрешить произвести восстановление прежних наименований перечисленных выше улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда». Мотивировка решения ужата до лаконичного минимума: тесная связь старых названий «с историей и характерными особенностями города» и то, что они «прочно вошли в обиход населения города».

Конкретную дату докладной на имя Сталина, так же как и его резолюцию, обнаружить в архивах не удалось⁷. Однако и найденных документов достаточно, чтобы определить: после октябрьских внутрипартийных ленинградских «дискуссий по топонимике» запрос на имя первого лица партии и государства ленинградские большевики направили примерно в ноябре 1943 г.

Положительное решение из Москвы, очевидно, было получено к концу декабря, так как уже 5 января 1944 г. Ленинградский горком ВКП(б) принимает закрытое решение, подписанное А. А. Ждановым, об одобрении направленного на имя Сталина перечня к возвращению исторических названий улицам Ленинграда⁸. О том, что ЦК «санкционировал принципиально» данный вопрос, упомянул на заседании горкома и А. А. Кузнецов⁹.

В результате партийная власть для соблюдения формы дала поручение «власти» советской оформить это решение, что последней и было исполнено.

Исполком Ленгорсовета в своём решении от 13 января 1944 г.¹⁰ почти дословно воспроизвёл текст партийного документа, присовокупив к нему лишь необходимые технические пункты о порядке смены уличных табличек в городе и т. п. Кроме того, в пункте 2 было сказано о переименовании проспекта Ленина в Красногвардейском районе в Пискаревский проспект (о необычности последнего решения ещё будет говориться ниже).

В урезанном виде решение Исполкома за подписями П. С. Попкова и А. А. Бубнова было опубликовано в местной печати¹¹.

⁶ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 395.

⁷ Помимо ЦГАИПД, были обследованы фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

⁸ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 388, 388об.; Д. 4895. Л. 3–4.

⁹ Стенограмма заседания бюро горкома ВКП(б) от 05.01.1944 // Там же. Л. 52.

¹⁰ Пункт 6-з Протокола № 105 Заседания Исполкома Ленгорсовета от 13.01.1944 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1521. Л. 241–243.

¹¹ Ленинградская правда. 1944, 15 января (перепечатано: Городские имена 1940–1950-х гг. на страницах ленинградских газет // Новый топонимический журнал (далее — НТЖ). 2013. № 1. С. 80–81); Бюллетень Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся. 1944. № 1.

II. Об авторе решения

Итак, инициатор решения — Николай Варфоломеевич Баранов (1909–1989), главный архитектор Ленинграда в 1938–1950 гг., впоследствии академик архитектуры, народный архитектор СССР. Именно он был ответственен за спасение памятников Северной Пальмиры во время войны. Непосредственно в его ведении находились организация маскировки ценнейших шедевров архитектуры (от Исаакиевского собора, Адмиралтейства и Петропавловской крепости до здания Смольного), укрытие от возможного попадания снарядов памятника Петру I («Медного всадника»), кладовских коней с Анничкова моста, памятника Николаю I и многих других. Об этом он подробно рассказал в своих воспоминаниях¹².

К несомненным заслугам Н. В. Баранова следует отнести и скорое послевоенное восстановление Ленинграда, в процессе которого в полной мере проявились бережное отношение к историческому наследию северной столицы, прирождённый вкус и талант архитектора, широко использовавшего классицистические мотивы при застройке новых кварталов города. Сам Николай Баранов говорил, что «в основе всех наших проектов лежит соблюдение классических традиций старого Петербурга»¹³ (отметим нестандартность этого заявления для советского времени).

Символично — и одновременно неудивительно, — что именно Н. В. Баранов в 1943 г. выступил с инициативой о возвращении названий многим улицам, которые были переименованы большевиками. Ведь исторические названия — не менее ценные памятники истории и культуры, чем памятники материальные.

Именно с исконными названиями связана и история большинства архитектурных и скульптурных памятников города. Действительно, не мог же барон П. К. Клод поставить свои конные группы на мосту, перекинутом через проспект 25 Октября! Да и памятник императору Николаю I на площади Воровского — это ничуть не лучше, чем, допустим, памятник жертвам Холокоста на какой-нибудь Гитлерштрассе.

Очевидно, что профессиональные архитекторы чутко осязают эту незримую для большинства обывателей культурную материю — взаимосвязь имени, содержания и внешнего вида. Так, сам Н. В. Баранов подчёркивал логику процесса, говоря о выборе названия для будущего памятника обороны Ленинграда: «Мне кажется, что для исходных позиций, определяющих существо процесса проектирования, наименование может иметь определённое значение»¹⁴.

Близость сохранения архитектурной среды города-памятника и сохранения его духовной, в том числе топонимической, сферы подчёркивает и внук главного архитектора блокадного Ленинграда — настоятель Петропавловского собора в одноимённой крепости, руководитель Комиссии по архитектурно-художественным вопросам Санкт-Петербургской епархии отец Александр (Фёдоров): «Мне кажется, что работа по возвращению имён явилась очень органичной составляющей деятельности Н. В. Баранова на посту главного архитектора... Переименования в городах создают хаос. Для противостояния

¹² Баранов Н. В. Силуэты блокады. Записки главного архитектора города. Л., 1982.

¹³ Завтрашний день Ленинграда: Запись беседы с Н. Барановым. Сентябрь 1944 г. // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1111. Л. 42.

¹⁴ О памятнике обороны Ленинграда // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1447. Л. 9. (В 1975 г. этот памятник был открыт на площади Победы под наименованием «Монумент героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны»).

деструктивности следует возвращать названия. Простые переименования имеют смысл при первой неудаче. Многие (хотя и не все) советские наименования следует, конечно, пересмотреть и заменить»¹⁵.

О возвращении названий в Ленинграде Н. В. Баранов в своих воспоминаниях умалчивает (скорее всего, данный вопрос просто не мог пройти советскую цензуру), но сохранилось его описание воодушевлённой работы Главного архитектурно-планировочного управления города (ГлавАПУ), в стенах которого, очевидно, первоначально родился этот проект: «Летом 1943 года творческая деятельность сильно поредевшего коллектива архитекторов достигла высокого подъёма. Особенно ярко это проявилось во время проведения конкурсов на лучший проект реконструкции проспектов и площадей города, на разработку проектов, увековечивающих подвиг наших бойцов, проявивших блокаду, памятника Кировским рабочим, погибшим во время осады, и многих других»¹⁶.

На смелость Н. В. Баранова могло повлиять и повышение его статуса до заместителя председателя Ленгорисполкома, произошедшее в августе 1943 г.¹⁷ Хотя умолчать в своих воспоминаниях о возвращении исторических названий взамен советских он мог ещё по одной причине. По сообщению его внука, отца Александра (Фёдоров): «Пологаю, что нежелание лишних раз говорить на эту тему было обусловлено для Н. В. Баранова тем, что почти все, с кем он проводил в жизнь переименование улиц города, оказались жестоко репрессированными. Он тоже пострадал, но существенно меньше, проведя три года в среднеазиатской ссылке. А ведь умер он ещё при советской власти в 1989 году...»¹⁸. Здесь стоит пояснить, что, действительно, все руководители города, чьи подписи стоят под окончательным решением о возвращении исторических названий (А. А. Кузнецов, П. С. Попков, А. А. Бубнов, Я. Ф. Капустин), в 1950 г. были расстреляны по «Ленинградскому делу».

III. Причины и условия возвращения

Представляется, что всё в той же секретной докладной Н. В. Баранова приведены и непосредственные причины нестандартного для советской власти решения — по сути, об исправлении собственных ошибок, состоявших в опрокидывании политики в ведомо неполитическую сферу топонимики. Сухим канцелярским языком, но с максимальной для того времени степенью откровенности архитектор говорит о неудачности и искусственности переименований, совершённых советской властью. Как это оценивает протодиакон отец Андрей (Кураев), задача большевиков была в том, чтобы «разрушить традиционную среду обитания и создать что-то более удобное для себя, для своих манипуляций, для своей идеологии. Отсюда — безжалостное отношение к традиционной русской топонимике»¹⁹.

На заседании руководства ленинградских большевиков 5 января 1944 г. А. А. Жданов позволил себе более популярно пересказать положения Н. В. Баранова о безликости и однообразности советских названий: «Советская улица, улица К. Маркса есть в каждом городе; в любом районном центре вы найдёте не одну, а 2–3, обязательно будет Советский [проспект], затем Ленина, проспект Сталина и пр. Значит, в этом отношении специфика Ленинграда стёрта».

¹⁵ Интервью, данное мне отцом Александром (Фёдоровым), хранится в моём личном архиве. — Д. П.

¹⁶ Баранов Н. В. Указ. соч. С. 128.

¹⁷ Ходатайство председателя Ленгорисполкома президенту Академии архитектуры СССР о выдвижении Н. Баранова в члены-корреспонденты этой академии. Декабрь 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 855. Л. 44.

¹⁸ Интервью отца Александра (Фёдорова).

¹⁹ «...В нашей истории возвращается ветер на крути своя»: Интервью протодиакона о. Андрея (Кураева) вице-президенту Фонда «Возвращение» Даниилу Петрову // НТЖ. 2011. № 3. С. 83.

С высоты своего положения дополнительную мотивировку «за» первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) доходчиво использовал применительно к двум топонимам: «...площадь Памяти Жертв Революции — неудачное название, неясно, кто похоронен: жертвы от революции или жертвы самой революции... Советский проспект — неудачное название, как будто бы остальные проспекты антисоветские или несоветские»²⁰. В текст официального решения этот пассаж, разумеется, не вошёл.

Однако что же стояло за подобным решением руководства блокадного города?

Безусловно, оно было бы невозможно даже на уровне первоначального обсуждения в 1930-е и в 1940–1942 гг. Несомненно, сама возможность поднять этот вопрос появилась исключительно в результате того, что страна уже начала предсказуемо выходить из горнила страшнейшего военного испытания.

Коротко напомним о том, как очередная «империалистическая война» (Вторая мировая) испытала идеологическое превращение в войну Отечественную, тем более в Велюнку.

Резкий поворот большевистского руководства от бесполезных словесных конструкций об интернациональных коммунистических ценностях к патриотической риторике был связан с неудачами первого периода войны. Стало очевидно, что устоявшаяся, казалось бы, советская идеология воспринималась значительной частью народа как искусственная, если не лживая. Требовалось немедленно воодушевить граждан на борьбу со страшным внешним агрессором, и это можно было сделать только путём обращения к тысячелетней истории страны, но никак не к навязываемым после 1917 г. идеалам.

Предтеча этого идеологического поворота — известное обращение Сталина к «братьям и сёстрам», прозвучавшее в начале июля 1941 г., совершенно неестественное для главного персонажа из которты «железных большевиков», показывающее скорее отчаяние и готовность отодвинуть в сторону навязываемые прежде идеологические ценности и ухватиться за любые другие, лишь бы сохранить за собой власть. По этой причине возвращение исторических названий в Ленинграде во время Великой Отечественной войны стоит в одном событийном ряду с «разрешением» со стороны советской власти положительно оценивать заслуги некоторых царских полководцев и произошедшим в январе-феврале 1943 г. введением погон...

Несомненно, главный архитектор Ленинграда был осведомлён (хотя бы из газет) о прошедшей в сентябре 1943 г. встрече Сталина с руководством Русской православной церкви, на которой произошло восстановление патриаршества. В этом тоже нельзя было не усмотреть очередной элемент поворота советской власти к российским духовным и культурным истокам — поворота хотя вынужденного и неискреннего, но всё-таки кардинального, ведь именно от религии большевики уже 26 лет пытались отвести подчинённый им народ²¹.

Описанная череда событий (а были ещё и другие) позволяла сделать вывод, что почины, основанные на апелляции к отечественной истории и культуре прошлых веков, преследоваться уже не будут. По всей видимости, это и стало толчком для дерзкого предложения вернуть исторические названия. Более того, по этой причине неслучайно часть возвращённых названий содержит прямые отсылки к посвящениям храмам:

²⁰ Стенограмма заседания Бюро Горкома ВКП(б) Ленинграда от 05.01.1944. Л. 53.

²¹ Подробнее о мотивах советской власти во временном перемирии с Церковью см., например: Георгий Митрофанов, протоиерей. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М., 2011. С. 91–92.

Исаакиевская и Казанская площади, Владимирский проспект и Введенская улица (причём в последнем случае — к снесённой в 1932 г. Введенской церкви)²².

Очевиден ещё один фактор, который подталкивал ГлавАПУ — «архитектурный мозг» блокадного города — к предложению проекта: ощущение сопричастности его сотрудников к огромной трагедии и одновременно беспримерному подвигу города на Неве, выстоявшего в нечеловеческих условиях, желание посылать ободрить выживших горожан и защитников города обращением к его истории. Естественно, это не могло быть прямо артикулировано даже в секретных документах — в таком случае неизбежно признавалась бы пропасть между советской пропагандой и действительностью.

Несмотря ни на какие казуистические мотивировки, решение 1944 г. о возвращении исторических названий — антибольшевистское. По сути, это подтвердила и последующая практика советских властей, избегавших подобных отступлений перед прошлым (в отличие от новых переименований) до самого разгара перестройки. Редко допускалось даже публичное обсуждение присвоения наименований проездам во вновь построенных городах²³, тем более возможность дискуссии о возвращении каких-либо названий. В лучшем случае подобное рассматривалось партийным руководством как «серьёзный идейный промах и ошибка», «отступление от норм высокой бдительности», а в худшем — как «диверсионная вылазка идеологических противников»²⁴.

Истинная трагедия блокадного Ленинграда была под спудом почти до конца советской власти. Как рассказывает Д. А. Гранин, один из авторов «Блокадной книги», партийное начальство периода застоя не допускало откровенных правдивых публикаций об испытаниях, а исповедовало такую трактовку событий: «Блокада — это героическая эпопея, а ваша книга о страданиях. И почему в ней нет ничего о руководящей роли обкома, горкома, горсовета?»²⁵

Отметим, что такая трактовка блокады Ленинграда была введена именно в период «Ленинградского дела», в рамках которого местным руководителям вменялось в том числе выделение особой роли руководства города и горожан в его обороне. В ходе этой вакханалии были уничтожены многие свидетельства защиты города: разгромлены фонды ряда музеев, закрыт Музей обороны Ленинграда²⁶.

²² Позднее, в декабре 1952 г., Введенская улица была вновь «репрессирована» советской властью, будучи переименованной в улицу Олега Кошевого. Историческое название, в современной форме известное ещё с 1790 г., вновь восстановлено в октябре 1991 г.

²³ Одно из исключений — публичное обсуждение жителями города Кириши, построенного в Ленинградской области, наименования его улиц. Оно было проведено в феврале-августе 1966 г. по инициативе исполкома горсовета. (См.: Богданова Е. В., Мартынов Г. Г. Пионерская, Романтиков, Героев...: Киришские топонимы // НГЖ. 2013. № 3. С. 48–61). Другой пример — развёрнутая по инициативе Л. В. Успенского в 1969 г. в ленинградских газетах дискуссия о возвращении некоторых наиболее идеологически нейтральных исторических наименований, таких как Галерная улица.

²⁴ Речь идёт о попавшем в 1966 г. в прямой телеэфир обсуждении с участием Д. С. Лихачева, В. А. Солоухина и др. возможности частичного сохранения и возвращения исторических названий. См.: Сокращённая стенограмма заседания Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СССР от 07.01.1966 // ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 866. Л. 55–83; приводится по: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–60-е годы. СПб., 2008. С. 491–497.

²⁵ «Зачем нам знать о тех страданиях?...» Данила Гранин вспоминает, как возникла «Блокадная книга» // Невское время. 2012. 27 января.

²⁶ Глезеров С. Горели костры «Ленинградского дела»... // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 31 октября; Петров В. А. Страх, или жизнь в Стране Советов. СПб., 2008. С. 7–10; blokadamus.ru/cgi-bin/magazine.cgi?id=2#3.

Однако в 1943 г. не могли догадываться, тем более знать, что случится спустя шесть лет: авторы решения о возвращении названий были справедливо воодушевлены и успехами в обороне города, и поворотом Войны в целом: фашисты одну за другой сдавали свои позиции на военных фронтах, идеологи от ВКП(б) сдавали свои прежние позиции в пропаганде.

IV. Невозвращённые названия и одно переименование

Теперь проследим судьбы наименований отдельных магистралей Ленинграда, которые секретно решались в конце 1943 г. Из первоначального перечня Н. В. Баранова от 8 октября в процессе партийных согласований были исключены следующие предложенные к возвращению названия (см. табл.)

Документ, который может пролить свет на то, кто именно был «за» или «против» тех или иных топонимических решений в блокадном Ленинграде, — это до недавних пор совершенно секретный проект решения бюро горкома ВКП(б) Ленинграда, принимавшегося в форме опроса в октябре 1943 г.²⁷ На этой бумаге имеется большое количество правок разными почерками. Под решением — три подписи руководителей: А. А. Кузнецова (чёрно-серый карандаш), Я. Ф. Капустина (красный карандаш) и П. С. Попкова (чёрный карандаш). Благодаря этому позволено сделать попытку восстановить, кто из них каким названиям, так сказать, «симпатизировал».

По наложению почерков один на другой видно, что сначала правку внёс Кузнецов, далее текст правил Капустин, и последним был Попков.

Второй секретарь Ленинградского обкома и горкома и член ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов исключил из перечня подлежащих возвращению названий улицу имени Салтыкова-Щедрина (возможно, потому, что ей такое наименование было присвоено в 1939 г. уже с его участием), площадь имени Шевченко (по той же причине) и проспект имени Ленина. Опасения одного из руководителей ленинградских коммунистов по поводу последнего очевидны: замена верховного «бога» советского пантеона В. И. Ульянова (Ленина) на православного императора, пусть даже и Петра Великого, выглядела чрезмерной вольностью. Её могли не оправдать даже на фоне наступивших во время Войны идеологических послаблений.

№	Советское наименование улицы	Наименование, которое предлагалось вернуть в 1943 г.	Предполагаемый инициатор сохранения советского названия
1.	Проспект имени Римского-Корсакова	Екатерингофский проспект	П. С. Попков
2.	Бульвар Профсоюзов	Конногвардейский бульвар	Я. Ф. Капустин
3.	Улица имени Салтыкова-Щедрина	Кирочная улица	А. А. Кузнецов
4.	Площадь имени Шевченко	Румянцевский сквер	
5.	Проспект имени Ленина	Петровский проспект	

²⁷ Протокол № 86 от октября 1943 года // ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 391. Номер пункта решения и точная его дата на опросном листе затёрты — возможно, потому, что окончательное решение было принято 5 января 1944 г., после того как этот вопрос побывал на рассмотрении И. В. Сталина.

Следовательно, в списке на возвращение после правок А. А. Кузнецова оставалось 19 названий²⁸.

Секретарь горкома Я. Ф. Капустин своим красным карандашом вычеркнул из списка площадь Урицкого (Дворцовую) и набережную 9 Января (Дворцовую). Это было поддержано П. С. Попковым, но из протокола заседания бюро горкома от 5 января 1944 г. следует, что А. А. Жданов возвращение названий санкционировал, опираясь на следующий аргумент Кузнецова: «Надо к прежнему названию вернуться. Ведь дворец остался, не выкинешь»²⁹. Также Капустинным был вычеркнут Конногвардейский бульвар, что было поддержано Попковым³⁰.

Наконец, секретарь горкома и по совместительству председатель горисполкома П. С. Попков, за чьей подписью следовало обнародовать окончательное решение

о возвращении названий, вычеркнул из списка проспект имени Римского-Корсакова (Екатерингофский) и подтвердил предыдущие предложения коллег по сохранению ещё нескольких приведённых выше советских названий³¹.

Почти детективная история произошла в блокадном городе с проспектом Ленина. Н. В. Баранов мотивировал необходимость возвращения его имени в лучших традициях «византийской» политики (то есть не давая возможности упрекнуть себя в сомнениях в «великости» вождя мирового пролетариата, даже наоборот): «...вновь предложение аннулировать название проспект Ленина, присвоенное неблагоустро-

Протокол опроса членов бюро
Ленинградского горкома ВКП(б)
№ 86 от октября 1943 г.
(ЦГАИПД)

²⁸ Кирочная улица и Румянцевский сквер дождалась возвращения своих имён уже после большевиков — 13 января 1998 г. и 21 мая 2001 г. соответственно.

²⁹ Стенограмма заседания горкома ВКП(б) Ленинграда от 05.01.1944. Л. 53.

³⁰ Вернуть своё имя Конногвардейский бульвар смог только в новой России — 4 октября 1991 г.

³¹ Екатерингофский проспект, который вёл в направлении Екатерингофа — одной из загородных резиденций Екатерины I, — дожидается возвращения своего имени до сих пор.

³² ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 394об.

енной, окраинной дороге, ведущей к больнице Мечникова»³². Однако Кузнецов и Попков исключили имя проспекта из состава названий, подлежащих восстановлению, очевидно, по описанным выше соображениям. В дальнейшем это название ни в одном партийном документе больше не фигурирует: его нет ни в докладе на имя Сталина, ни в итоговом решении горкома.

Тем не менее пунктом 2 решения Исполкома Ленгорсовета наименование проспекта Ленина упраздняется. Впрочем, и проспект Петра Великого вместо него не восстанавливается. Используется нейтральный вариант — Пискаревский проспект, по названию находящихся рядом железнодорожной станции и деревни, на кладбище при которой (Пискаревском) в годы Войны были захоронены сотни тысяч жителей и защитников блокадного города. Возможно, таким образом была отдана дань их памяти.

Тайну исчезновения проспекта имени Ленина с карты Ленинграда приоткрывает стенограмма секретного заседания горкома ВКП(б) от 5 января 1944 г. А. А. Жданов «заглатывает наживку» Н. В. Баранова и воспроизводит его аргументацию: «Есть у нас проспект имени Ленина, очень плохая улица, для проспекта Ленина не годится, одна из худших улиц названа проспектом Ленина. Надо снять название проспекта Ленина. Придумать другое название»³³.

По предложению А. А. Кузнецова «придумать» новое название было поручено руководству Красногвардейского района. Тем не менее это решение горкомом запротоколировано не было. Будучи включённым пунктом 2 в решение Исполкома Ленгорсовета от 13 января 1944 г., оно не было и опубликовано, но фактически таблички сменили. В результате Ленинград на несколько десятилетий вообще остался без проспекта Ленина. Вождю удалось восстановить топонимический *status quo*, да и то не совсем под собственным псевдонимом, только в 1977 г., когда в Ленинский проспект под очередную годовщину рождения В. И. Ульянова (Ленина) были переименованы объединённые проспект Героев и улица Галстяна. Так, в отличие от решения, принятого в блокадном городе, в брежневскую эпоху с её культом «Малой земли» память о защитниках Ленинграда, наоборот, стиралась³⁴.

В остальном можно сказать, что первоначальный список Н. В. Баранова не только уменьшался, но и дополнялся. Имеется документ, именуемый «Продолжение» (отредактированного А. А. Кузнецовым списка из 19 названий, рассмотренного выше), также с визой Баранова³⁵.

Первые три из указанных предложений (№ 20–22) попали в итоговый список, утверждены партийным и подписаны советским руководством. Наименования под №№ 23–26 рукой А. А. Кузнецова были вычеркнуты.

В отношении улицы Искусств речь, конечно же, идёт не о восстановлении названия — эта улица прежде никогда таким образом не называлась. До революции она была Михайловской³⁶, и это её историческое наименование вернулось 4 октября 1991 г. Полустровская набережная и Ивановская улица по-прежнему называются Свердловской

³³ Там же. Л. 53–54.

³⁴ Название «проспект Героев» 16 октября 1978 г. перенесли на проектируемую магистраль на Юго-Западе, фактически появившуюся лишь в последние годы, а в честь генерал-майора Б. О. Галстяна, героически погибшего в 1942 г. на Пулковских высотах, 18 апреля 1977 г. назвали малозаметную новую улочку, выходящую к площади Победы.

³⁵ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 390.

³⁶ По названию Михайловского дворца (ныне главное здание Государственного Русского музея), к которому она ведёт.

№	Советское наименование улицы	Наименование, которое предлагалось вернуть в 1943 г.
20.	Проспект Пролетарской Победы	Большой проспект Васильевского острова
21.	Проспект Мусоргского	Средний проспект Васильевского острова
22.	Проспект Железняка	Малый проспект Васильевского острова
23.	Улица Бродского	Улица Искусств
24.	Шлиссельбургский проспект, проспект имени Крупской, проспект Обуховской Обороны, проспект Села Смоленского	Шлиссельбургский проспект
25.	Свердловская набережная	Полостровская набережная
26.	Социалистическая улица	Ивановская улица

и Социалистической (в последнем случае возвращение затруднительно, поскольку в Невском районе Санкт-Петербурга и без того существует улица с историческим названием Ивановская).

Шлиссельбургский проспект существует с 1987 г. на новом месте (бывший проспект Володарского, ещё раньше — Задняя улица). Однако в этом случае обстоятельства выглядят вовсе не так просто. Как известно, первая попытка переименовать собственно Шлиссельбургский проспект (в честь И. В. Сталина) была предпринята ещё в 1933 г.³⁷ В то время его официальными границами считались Красная площадь (ныне площадь Александра Невского) и Большой Смоленский проспект. На заседании же 5 января 1944 г., несмотря на слово «вернуть», речь шла скорее не о восстановлении прежнего названия, а об объединении нескольких продолжающих друг друга проездов вдоль левого берега Невы в единый проспект. Тогда А. А. Жданов поддержал сомнения Невского райкома партии, связанные с необходимостью изменения нумерации домов.³⁸ Однако в 1952 г. объединённая магистраль всё же появилась под названием проспект Обуховской Обороны.

V. Уроки советской истории

Возвращение названий в блокадном Ленинграде интересно ещё и тем, что на примере данного нетипичного для советской страны решения можно наглядно уяснить ряд аспектов государственного управления в СССР.

Во-первых, это чрезмерная централизация, при которой любые даже незначительные (по меркам здравого смысла) вопросы должны были решаться не просто в центральных органах власти, а непременно первым лицом государства. Понятно, насколько это ухудшало управление, так как стремление командовать из Москвы каждой мелочью на местах неминуемо приводило к чрезмерной перегрузке центра вопросами, рассмотрение которых постоянно отвлекало верховную власть от главнейших проблем внутренней политики.

Характерно, что даже Н. В. Баранов ошибочно думал, что его предложение может быть вполне самостоятельно рассмотрено на местном уровне к 1 декабря 1943 г., в то

³⁷ Художественное оформление Шлиссельбургского проспекта // Ленинградская правда. 1933. 21 августа (перепечатано: Городские имена 1930–1940-х гг. на страницах ленинградских газет // НГЖ. 2012. № 1. С. 70–71).

³⁸ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 53.

время как ленинградское партийное руководство перестраховалось, направив вопрос на имя самого Сталина. Аналогичные ситуации возникали в работе Баранова и после. Так, например, председатель Ленгорисполкома П. С. Попков, отчитывая главного архитектора Ленинграда за чрезмерную самоуверенность, в 1946 г. требовал поднять до уровня союзного руководства вопрос о количестве комнат в квартирах строящихся домов Ленинграда: «*Это вопрос серьёзный, вопрос государственный, с которым надо было бы войти в Правительство Союза, а вы хотите решить такой принципиальный вопрос местническим порядком. Я считаю это неправильным*»³⁹.

К сожалению, определённые элементы такого «ручного», а значит, не всегда эффективного управления страной сохранились и до сих пор.

Во-вторых, тот факт, что названиями улиц, пусть даже и в «колыбели» большевистской революции, занималось руководство ЦК ВКП(б), лишний раз подтверждает известный тезис о том, что СССР был первым государством, в котором топонимика стала использоваться для массовой политической агитации в ущерб культурным традициям. Названия в советской стране — это уже не совсем топонимия сама по себе, а скорее «политонимия». Прежде всего они рассматривались как транспарант, лозунг, пометка безусловной принадлежности территории советскому режиму (вспомним тотальные переименования на Карельском перешейке), и лишь потом — как способ ориентации в пространстве.

В-третьих, механизм принятия решения о возвращении названий с учётом сейчас уже рассекреченных документов прекрасно свидетельствует о фиктивном характере советской власти как таковой. Она использовалась как ширма, прикрытие для партаппарата, который и обладал на самом деле всей реальной полнотой власти в стране. Процитируем пункт 2 секретного решения горкома ВКП(б) от 5 января 1944 г.: «*Поручить Исполкому Ленгорсовета депутатов трудящихся оформить это постановление в советском порядке*»⁴⁰.

Советы действительно исполняли преимущественно «оформительские» функции. Юридический анализ этой особенности советской жизни дан в известном «Деле КПСС», рассмотренном Конституционным судом России⁴¹, но и историки не раз обращали на это внимание⁴².

В-четвёртых, многие — не историки и краеведы, но обыватели — не знают и до сих пор, что в подавляющем большинстве случаев решения партийных властей в СССР **не публиковались вообще**. Решения же Советов, прикрывающих диктатуру партии, зачастую публиковались лишь частично. Обычным гражданам полагалось знать ровно столько, сколько допускало партийное руководство.

В нашем примере партийные (то есть основные) решения не были опубликованы вовсе, скрытые под грифом секретности. При этом в Порядке работы с протоколами горкома ВКП(б) без обиняков указано: «*...копировка и выписки, а также устная или письменная ссылка на протоколы в советском делопроизводстве категорически воспрещается* <...>».

³⁹ Стенограмма совещания у председателя исполкома Ленгорсовета Попкова П. С. 03.01.1946 // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 7. Л. 6.

⁴⁰ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4895. Л. 4.

⁴¹ Постановление Конституционного суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 года № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 года № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

⁴² Млечин А. Господа оформители. Старая традиция: депутатство как способ устройства личных дел // Новая газета. 2012. 6 февраля.

возложить ответственность на товарищей, получающих **конспиративные материалы горкома**, принимать в каждом отдельном случае дополнительные меры, обеспечивающие, в зависимости от обстоятельств, **максимальную конспиративность и сохранность**»⁴³ (выделено мною — Д. П.).

Из пяти пунктов решения Исполкома Ленгорсовета от 13 января 1944 г. о возвращении названий опубликован был только пункт 1. Возможно, пункты, содержащие поручения по техническому исполнению решения, не так важны, однако в публикации не воспроизведён и пункт 2 с редчайшим для СССР решением об упразднении названия проспекта Ленина⁴⁴.

Более того, преамбула решения Ленгорисполкома несколько отличается от первичного решения горкома ВКП(б) от 5 января. Совет (предположим, по техническим причинам) опустил часть мотивировки — ссылку на то, что ряд исторических названий «лучше обеспечивает нормальную связь населения внутри города». Тем не менее в печати эта часть секретного документа появилась, хоть и в преобразованном виде: «лучше обеспечивают нормальные внутригородские связи», — несмотря на то, что Совет такой формулировки не утверждал. Текст для публикации был согласован отдельной (также секретной) докладной неизвестного чиновника на имя А. А. Кузнецова и П. С. Попкова⁴⁵: что и как преподносит народу — отдельная проблема власти большевиков!

В-пятых, обращает на себя внимание известная советская особенность: в СССР «секретность была доведена до полного абсурда»⁴⁶. На нашем примере хорошо видно, что вопрос названия улиц был засекречен потому, что мог нанести ущерб советскому строю. Не меньше в этом проявилось и настороженного отношения советской власти к собственному народу, информация для которого строго дозировалась даже на самые безобидные темы.

В-шестых, как описано в разделе III, рассмотренное решение — один из ярких примеров вынужденного тактического «запирывания» власти ВКП(б) с населением путём использования в своих целях патриотизма, культуры и истории страны. При этом об интернациональных коммунистических постулатах, ещё так недавно агрессивно насаждавшихся в СССР, предпочиталось вовсе не вспоминать.

Седьмой и последний вывод непосредственно соотносится с сегодняшним днём. Не вызывает сомнений, что в блокадном городе с его сотнями тысяч жертв и значительными разрушениями имелось более чем достаточно сугубо материальных и бытовых проблем, напрямую как будто не связанных ни с историей, ни с культурой. Между тем несомненно, что именно в те сложные дни было принято решение из сферы духовной. Воистину, «не хлебом единым жив человек»: в роковые годы важнейшей опорой для народа всегда становится обращение к духовным истокам.

Следующий пик возвращения исторических названий пришёлся на рубеж 1980–1990-х гг. — тоже не самые лёгкие для России годы с точки зрения материальных проблем. Во времена же относительно «тучные», как это ни парадоксально, люди порой начинают забывать, что именно духовное содержание определяет материальное бытие.

⁴³ Порядок хранения, ознакомления и возвращения протоколов заседаний пленумов, бюро и секретариатов Ленинградского горкома ВКП(б) // ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4818. Л. 1об.

⁴⁴ Другой подходящий пример — Ленинский район с центром в посёлке Всеволожский, появившийся в 1927 г. одновременно с образованием Ленинградской области. Исчез навсегда в 1930 г., влившись в состав вновь сформированного обширного Пригородного района с райцентром в Ленинграде (Мартынов Г. Г. Пять веков топонимии Колтушской земли // НТЖ. 2012. № 1. С. 50).

⁴⁵ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4897. Л. 396.

⁴⁶ Петров В. А. Указ. соч. С. 127.

А. Б. Рыжков

ТРАДИЦИОННАЯ ТОПОНИМИЯ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

Научные подходы и восприятие в массовом сознании (1989–2013)

Из всех материальных и нематериальных явлений российской культуры на долю топонимии выпала наиболее нелёгкая участь — доселе многие наши соотечественники признают за наименованиями географических или городских объектов лишь политически-утилитарную функцию, вспоминая о культурной составляющей лишь тогда, когда считают необходимым увековечить очередного выдающегося деятеля. Но быть может, так оно и есть, и топонимия действительно не имеет отношения к культуре?

В своем докладе я пытаюсь показать, как и почему превосходные научные определения и подходы к топонимии как явлению культуры, сформулированные десятилетия назад, до сих пор не стали предметом общественного консенсуса и не привели к осознанию культурно-исторической ценности топонимии как общепринятого факта. Пока не стали, в отличие от отношения к архитектуре, живописи и многим другим областям человеческой деятельности, каковые все вместе образуют не всегда осязаемую, но вполне реальную культурную среду, в которой мы живём, не замечая её, как воздуха, которым дышим.

I. Культурно-историческая ценность топонимии в представлениях научного сообщества конца 1980-х гг.

Первые попытки осознать роль традиционной топонимии в системе культурно-исторических ценностей можно отнести ещё к дореволюционному периоду. Далее, в 1920-е гг., в своей замечательной книге «Душа Петербурга» Николай Андциферов посвятил значению топонимии в формировании и восприятии особой городской «физиономии» немногочисленные, но весьма выразительные строки. В течение советского периода, отличавшегося крайне политизированным официальным отношением к топонимии и зачастую подозрительным отношением к краеведению как таковому, продолжали, однако, звучать голоса учёных, краеведов, деятелей культуры, уверенно заявлявших о самостоятельной, внеидеологической культурной ценности топонима, особенно в период оттепели и, конечно, с началом перестройки.

Как таковой научный подход к месту топонимии в культуре вполне оформился к 1980-м гг. Одной фразой его можно определить как «Исторические названия — это памятники культуры». Это нашло своё отражение и в многочисленных региональных движениях, и в материалах первой всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия — памятники культуры», прошедшей в Москве 17–20 апреля 1989 г. Прочитую некоторые выступления участников конференции, которые, на мой взгляд, наглядно и аргументированно раскрывали истинное место топонимии в системе культурных ценностей.

Академик Д. С. Лихачёв во вступительном слове сформулировал некоторые программные моменты, характерные для культурно-исторического подхода к топонимии: «Исторические названия, создаваемые в разные эпохи как культурно-исторические свидетельства своего времени, также должны быть отнесены к памятникам, нуждаются в собирании, каталогизации и изучении»;

- замена исторических географических названий “идеологическими нововедениями” привела к изъятию из обращения той комплексной культурно-исторической информации, которую несёт в себе имя;
- возрождая историко-культурную преемственность в топонимии, мы возвращаем тем самым культурные ценности наших народов, протягиваем связующие нити от настоящего к прошлому и от прошлого через настоящее к будущему. Возвращение и охрана исторических названий, создание “Красных книг” исторических топонимов — благородная социальная и культурная задача¹.

Более полно культурологические аспекты топонимии раскрыл М. В. Горбаневский, сформулировавший «концепцию исторического географического названия как памятника в связи с продолжающимися дискуссиями вокруг термина “культура” в рамках трёх наиболее общих подходов к определению культуры — предметно-аксиологического (ценностного), деятельностного и семиотического»².

Действительно, прелесть топонимии в том, что её значение прослеживается в рамках всех трёх вышеупомянутых основных подходов к определению культуры. Если мы говорим о культуре как о системе ценностей, то невозможно не видеть, что многие традиционные названия имеют не меньшую ценность, чем, скажем, вполне материальные памятники архитектуры. Самым парадоксальным и в то же время естественным образом это подтвердилось в наиболее суровые годы, выпавшие на долю нашего города — я имею в виду возвращение исторических наименований в 1944 г.

Если речь идёт о самом процессе культурной деятельности человека, то очевидно, что её непреходящая составляющая — постоянное создание, изменение, закрепление некоторого топонимического ландшафта.

Рассматривая же культуру как «систему знаковых систем» и возвращаясь к словам Николая Андиферова о «языке города», мы видим, что они дают ключ к пониманию коммуникационной роли топонимии на всех уровнях. Как и обычный язык общения, она служит и для сплочённого поддержания культурного единства некоей человеческой общности, и для обеспечения исторических культурных связей, сохранения исторической памяти, культурного кода.

Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия — памятники культуры» 1989 г. Титульный лист

¹ Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры». 17–20 апреля 1989 г. М., 1989. С. 3.

² Там же. С. 20.

М. В. Горбаневский также говорил о необходимости распространить на утраченные топонимические памятники «реставрационный» подход, применяющийся к материальным культурным объектам.

В. П. Нерознак раскрыл составляющие той комплексной историко-культурной информации, которую несут в себе топонимы, — географическую, историческую, языковую. Одна из важнейших задач, вытекающих из культурно-исторического подхода к топонимии, состоит в выработке научных критериев для отнесения топонима к памятникам культуры, критериев возможного возвращения утраченного топонима, уточнения понятия «историческое название».

Такие критерии были сформулированы в подготовленном им Обращении президиума правления Советского фонда культуры от 25 октября 1988 г. (с учётом мнения общественного Совета по топонимии): «Историческим названием следует считать любое имя собственное вне зависимости от величины именуемого им объекта, которое заключает в себе ценностную историко-культурную информацию об этапах исторического развития, предшествующих современному состоянию, и отражающего исторически значимые стороны (сторону) общественной, хозяйственной, культурной и языковой деятельности народа»³.

Отказ от идеологической направленности в топонимике был сформулирован В. П. Нерознаком в лаконичной форме: «Новое имя — только новому объекту, что подтверждало принцип историчности применительно к тем названиям XX века, которые не отменяли предыдущих, а были даны «с чистого листа». Для сравнения же культурной ценности названий разных периодов он предложил пять критериев: *топографичность, мотивированность, системность, грамматичность, оригинальность*. Эти формулировки очень важны и для понимания того, что механический подход «возвращение всего на состояние 1917 г.» неприемлем для культурно-исторического подхода к топонимии, и вопрос каждого возможного возвращения должен решаться индивидуально.

Наконец, на всесоюзной конференции 1989 г. был затронут немаловажный юридический вопрос — закрепление понятия топонимического памятника в законодательстве, что позволило бы придать официальный юридический статус и уже создававшимся «Красным книгам топонимии» (первоначальный вариант такой «Красной книги» для Ленинграда был тогда подготовлен бессменным членом нашей Топонимической комиссии Г. Ю. Никитенко).

Дальнейшее развитие и научное обоснование культурно-исторического подхода к топонимии отразилось в материалах второй всесоюзной конференции «Исторические названия — памятники культуры», состоявшейся 3–5 июня 1991 г.

За прошедшие два года в топонимической, а тем более в политической картине страны многое изменилось. В ряде городов — в их числе возвращённые Тверь, Самара, Нижний Новгород, — а также в Ленинграде и Владивостоке были проведены интереснейшие топонимические конференции. На второй из, к сожалению, последней всесоюзной конференции также звучали интересные выступления, по-новому раскрывающие понятие культурной ценности топонима.

Так, Е. М. Верещакин обратил внимание на фоновую семантику топонимов как совокупность массовых ассоциаций, свойственных почти всем членам конкретной культурной общности. При этом он выделял топонимы с индивидуальной фоновой семантикой как особо ценные, в качестве примера рассматривая богатейший ассоциативный слой, связанный с названием Москвы. Из этой посылки естественным образом

³ Там же. С. 62.

он выводил возможность развития «топонимического лингвострановедения» и даже создания соответствующего словаря «топонимических ассоциаций».

А. В. Суперанская вновь затронула проблему дефиниции «исторического географического названия»: «...антиисторично не само обращение к нескольким высокочастотным именам, а то, что с их помощью из топонимии вытесняются история и география»⁴.

Следовательно, даже «сверхидеологические» названия не могут считаться «антиисторичными» в том случае, если их появление не сопряжено с волевым уничтожением предшествующего топонимического слоя.

Надо сказать, что никто из участников конференции и не опускался до какой-то политической, споминутной мотивировки отношения к существующим и историческим наименованиям. Однако на фоне всеобщего подъёма, связанного с начавшимся процессом возвращения исторических названий городов и улиц, суровым предостережением — а как мы теперь уже знаем, и пророчеством, — прозвучало выступление А. В. Соловьевой из Ленинграда. Она сказала: «Десятилетиями насаждавшийся политизированный подход к истории и культуре глубоко укоренился в общественном сознании. Слишком часто требование вернуть исторический топоним мотивируется желанием стереть с карты недостойное (с точки зрения сегодняшних знаний о нём) имя... Вновь раздаются требования об увековечении средствами топонимии своих, новых героев... И появляются такие топонимы. И самое прискорбное, что они возникают не только в новых районах, но и за счет переименований.

Это свидетельствует о том, что глубокого процесса оздоровления общественного сознания не произошло, что общим фоном для топонимической работы является культовый, даже мифологический тип мышления.

Конечно, чтобы в масштабах страны вернуться к традиционным формам отношения к языку, истории, самой топонимии, и нескольких лет недостаточно — слишком долго и настойчиво внедрялись иные принципы.

Но тем серьезней и ответственней наша задача: своей работой помочь как можно большей части людей преодолеть культовый тип мышления, который неизменно сопутствует тоталитаризму»⁵.

II. Культурно-историческая ценность топонимии в массовом сознании

Наши коллеги еще более 20 лет назад разглядели в общественном сознании культовое, политизированное, мифологизированное отношение к топонимии. Увы, с успехом насаждавшееся на протяжении почти всего XX века, оно почти не сдает своих позиций и до сегодняшнего дня. Почему же, успешно преодолев за четверть века шаблоны идеологии в той же архитектуре (а какими только словами когда-то не обзывали «сталинский ампири!»), в отношении к топонимии общественное сознание застыло на уровне советского времени?

Практика показала, что достаточно широкая общественная поддержка возвращений начала 1990-х гг. была вызвана скорее желанием перемен в целом, новизной «топонимическом сознании» особых перемен, увы, не произошло. Я имею в виду как неприятие культурно-исторической концепции топонимии политизированными сторонниками/противниками возвращений с обоих краёв политического спектра, так и неприятие (зачастую агрессивное!) культурной роли топонимии вполне аполитичными согражданами,

⁴ Вторая всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры». 3–5 июня 1991 г. М., 1991. С. 160.

⁵ Там же. С. 150.

которые (возможно, без особого энтузиазма, но подчиняясь общественному консенсусу) признают таковую роль хотя бы за архитектурой... При этом «общепринятые» топонимические взгляды действительно, как подмечала А. В. Соловьева, не просто культовые, а зачастую и мифологичные.

Пользуясь этой подсказкой, я предлагаю рассмотреть основные топонимические шаблоны массового сознания, касающиеся как распространённого отношения к топонимии вообще, так и вытекающего отсюда отношения к проблеме возвращения исторических названий.

Первая группа расхожих мнений базируется на полном отрицании связи топонимии с культурой:

- *топонимия не имеет собственной культурно-исторической ценности, названия нужны лишь для ориентирования и наглядной агитации;*
- *изменения в топонимии не оказывают никакого влияния на нашу жизнь и поэтому бессмысленны;*
- *возвращение исторических названий — вопрос политики, а не культуры.*

Думается, всё сказанное ранее служит самым наглядным опровержением таких утверждений. Есть лишь одно «но» — наличие достаточно активных сторонников возвращений, на первый план у которых выходит всё же политическое неприятие существующих имен, а не осознание ценности старинных (о чем предупреждала А. В. Соловьева). Ставя политику на первый план, они тем самым дискредитируют саму идею исторических возвращений, поскольку оперируют всё той же большевистской логикой «плохой-хороший», только вывернутой наизнанку. Тем самым насущные топонимические вопросы не могут выйти из замкнутого круга, куда их загоняют политические убеждения противников. Единственным выходом является перенесение топонимической повестки в культурную плоскость, а этому-то в общественном сознании и препятствуют ярые «топонимические политики».

От тех, кто всё же не отрицает наличия культурных связей в топонимии, можно тем не менее услышать и такое обвинение: *сторонники возвращения исторических названий хотят уничтожить память о советском периоде нашей истории.*

Для укоренения этого мнения много стараются, конечно, всё те же «топонимические мстители», которых я только что упомянул. Но мы не имеем никакого права пренебрегать ни одним из тех топонимических слоёв, которыми город «оброс» в своём естественном развитии! Разумеется, и советский топонимический слой имеет полное право на существование, и не только в тех местах, где у него не имелось исторического предшественника, но и во многих случаях, когда таковой есть. Далеко не все предшественники выдерживают сравнение по упомянутым ранее критериям ценности исторического названия.

Нельзя, однако, умалчать, что следующее популярное мнение имеет сторонников и в научной среде: *поскольку любое название является историческим, невозможно сделать обоснованный выбор в пользу более ценного названия.*

На предыдущей нашей петербургской конференции в 2010 г. А. В. Никифорова отстаивала тезис о необходимости «нулевого варианта» — отказа от каких бы то ни было волевых изменений имеющегося топонимического ландшафта. Основной мотив её аргументации состоял, во-первых, в том, что возвращённое имя уже не имеет своего «исторического» значения. Нельзя не увидеть в этом параллели с критиками реставрационных подходов и в материальных областях культуры — в архитектуре, в живописи. Но разве в этих областях уместен полный отказ от реставрации?

Во-вторых, Л. В. Никифорова смело ниспровергала иерархизацию культурных ценностей, и я вполне согласен с тем, что нельзя объявлять некое явление «вне культуры» лишь на том основании, что оно не помещается в некоторую заданную иерархию. Но вместе с тем нельзя не видеть, что формирование ценностных систем есть неотъемлемое свойство культурного бытия. Вне всякого сомнения, и Пушкин, и граф Хвостов — суть часть нашей культуры, но если они, образно выражаясь, претендуют на одно и то же место в программе, то надо бы всё же отдать это место Пушкину!

Так и одно название **может быть сравнительно** более ценным, чем другое! Особенно если вспомнить, что наши топонимические «Хвостовы» — это всего лишь измеряемые десятками, сотнями, тысячами штук шаблонные имена советского пантеона, которые вытеснили из «топонимической программы» не такого же тысяча шаблонного Пушкина, а тысячи **разных** «Пушкиных»! Нельзя всерьёз утверждать, что для конкретной улицы название «Невский проспект» в культурном плане равноценно названию «Проект 25-го Октября».

Разумеется, все эти фамильные параллели необходимо воспринимать лишь в переносном смысле, поскольку нужно сказать и о широчайше распространённом мнении, которое выражает самую суть культового, идеологического подхода к топонимии и ничуть не поколебалось за прошедшие годы: *культурная ценность названия определяется исключительно ценностью увековеченной личности.*

Наиболее кратко его сформулировала одна читательница газеты «Санкт-Петербургские ведомости», упрекнувшая петербургских топонимистов в возвращении Морских улиц. «Все знают, кто такие Гоголь и Герцен, а что значит Морские улицы — никто не знает!». Это сочетание культовой модели с признанием значения только «знакового, проверенного, понятного» и неколебимой уверенностью в том, что всё находящееся за пределами моего личного кругозора в принципе недостойно внимания, весьма характерно для модели массовой культуры как таковой. Вот и восприятие топонимии отнюдь не является исключением... Что на это можно возразить? Разве что предложить задуматься над культурной ценностью названия *Москва*, о котором нельзя даже сказать с точностью, что оно означает в буквальном смысле (в отличие от *Морских улиц*).

На другом конце наших сходящихся крайностей находятся «топонимические ненавистники», которые заявляют, к примеру: «А вот мы знаем, кто такой Бела Кун! Таким нелюдям на карте не место!», — демонстрируя «культовый подход наоборот».

Между тем собственное культурно-историческое значение названия Морских улиц огромно — это, пожалуй, первые «уличные» топонимы на материковой части Петербурга, выросшие из старинной Морской слободы. При этом дополнительную ценность им придаёт то, что они закреплялись за конкретными улицами стихийно, отражая сложную историческую картину формирования городской топонимии в XVIII веке. К сожалению, эта ценность и это значение не имеют веса в глазах тех, кто считает, что память Н. В. Гоголя оскорблена возвращением названия *Малой Морской улице*.

Культовый подход проявляется не только в отношении к возвращению старинных названий, но и в стремлении заполнить карту города именами как можно большего количества выдающихся деятелей, иногда даже и прижизненно. Обратная сторона такого подхода — желание стереть с карты деятелей «недостойных», а также восприятие переименования «увековечивающей» улицы исключительно в свете «наказания». Понятно, что при таком подходе мы просто-таки обречены на постоянное перекраивание топонимической карты — ведь когда на ней не находится места для очередного «сверхдостоинного», его по

этой логике должен будет освободить кто-то «менее достойный».

Надо ещё сказать, что переименование старинных улиц и городов в честь даже самых выдающихся деятелей губит ту самую «фоновую семантику» названий, о которой говорил Е. М. Верещагин. В результате получается, что Ю. А. Гагарин родился в Гагарине, а не в Гжатске, а декабристы выходили на площадь Декабристов, а не на Сенатскую. Между тем само имя этой площади в русской культуре уже содержит мощнейший ассоциативный слой, включающий в первую очередь память о восстании 1825 г.

Последняя группа топонимических заблуждений вплотную примыкает к области мифологии, хотя базовое утверждение звучит вполне практично: *нельзя менять привычные людям названия пусть и на более ценные, но незнакомые.*

То есть топонимические изменения недопустимы просто потому, что «люди так привыкли» (даже не вдаваясь в сравнение достоинств нынешних и прежних имён). Такой подход нельзя рассматривать исключительно под углом какой-то обывательской ограниченности, хотя во многом он вызван невинной уверенностью, что «история мира началась с моего рождения и на мне же и закончится, а что там было до меня и будет после — какое имеет значение?..».

Но есть и более серьёзное основание для бытового неприятия изменений в топонимии. Оно состоит в том, что топоним как часть адреса является немаловажной частью личного пространства!

А раз так, то ничего странного нет и в подобной реакции человека на вторжение в это пространство, особенно если оно ограничено собственной отдельной квартирой. Понятными становятся и иррациональные реакции, и чрезвычайная укоренённость в массовом сознании таких мифов (уже в полном смысле слова), как *процедура изменения названий улиц требует больших затрат из бюджета и жителям переименованных улиц необходимо менять документы.*

Можно привести сколько угодно официальных бумаг, опровергающих эти утверждения (в распоряжении Топонимической комиссии их более чем достаточно), но конкретный человек в данном случае склонен верить не словам и не бумагам, а «горячим» фантазиям очередного журналиста. И не только потому, что не доверяет нашей бюрократической машине, а ещё и потому, что с искренними, научно обоснованными и абсолютно неполицированными предложениями по восстановлению исторических топонимов он зачастую ассоциирует не реставрацию, скажем, памятника архитектуры, а звонок в свою дверь каких-то торговых агентов, желающих, разумеется, его надуть. Таким образом, не стоит удивляться открытой агрессивности, проявляемой по принципу: «Да мне вообще наплевать, как и почему называется улица, только в мой адрес не лезьте!»

Понимая, что историческое название имеет большое культурное значение в масштабах города, а иногда и шире, и не является чьей-то личной собственностью, не-

Перевернутая адресная табличка на одном из домов по улице Крупской — иллюстрация перевернутых в массовом сознании представлений о топонимии. 2014

льзя забывать и о тонкостях его восприятия именно на уровне личного пространства. Необходимо учитывать это в аргументации, как можно тщательнее подходить к выбору предложений по историческим возвращением!

Итак, как видим, идея о культурной (не культовой!) ценности топонимии ещё достаточно далека от того, чтобы овладеть массами. Тем не менее это не повод сдаваться или сидеть сложа руки. Топонимисты должны собственной практической деятельностью следовать принципам главенства культурной составляющей в топонимии.

На фоне объявленного в 2012 году в Петербурге так называемого «моратория на возвращение названий» добрым знаком выглядит состоявшееся в августе 2013 г. официальное возвращение железнодорожной станции Детское Село её исторического названия — Царское Село⁶. Как же так? Очень просто: ведь станция — это *географический объект*, а федеральный закон гласит: «*Переименование географических объектов допускается <...> в целях возвращения отдельным географическим объектам наименований, широко известных в прошлом и настоящем*» и признает роль «*наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации*».

Если же говорить о Петербурге, необходимо добиваться принятия законодательных актов, регулирующих топонимическую деятельность в нашем городе. Это позволит в том числе наконец утвердить «Красную книгу петербургской топонимии», способную юридически защитить наши названия-памятники, официально, а не только на словах, поставив их в один ряд с другими памятниками петербургской культуры.

Наконец, необходимо при каждом удобном случае просто рассказывать о роли топонимии — особенно исторической! — в существовании той эфемерной субстанции, которая даёт нам восхитительное чувство общности и с современниками, и с предками как на уровне Петербурга, если речь идет о петербургских именах, так и на уровне России, на уровне всей русской цивилизации.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2013 г. № 671 // Новый топонимический журнал. 2013. № 3. С. 62.

Е. А. Терентьев

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ СОВЕТСКИХ ТОПОНИМОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: опыт социологического анализа

В 2011–2013 гг. автор настоящей статьи провёл в Санкт-Петербурге социологическое исследование общественной дискуссии о переименовании советских топонимов. В результате на основании анализа широкого круга источников оказалось возможным выделить и описать шесть «миров», в рамках которых участники дискуссии выстраивали свои системы аргументации: символический, лингвистический, пространственный, историко-культурный, ностальгический и экономический. Каждый из этих «миров» предполагает различный фокус рассмотрения топонимической среды и становится ареной для конкурентной борьбы между участниками дискуссии.

Теоретический и эмпирический контекст исследования

Топонимическая история Санкт-Петербурга уникальна. На протяжении 311 лет своего существования город успел пережить несколько топонимических «революций», которые нашли отражение как в самом его имени (Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург), так и на всей городской карте. Последняя «революция» произошла в 1991 г., когда городу вновь было возвращено первоначальное имя — Санкт-Петербург. Это событие, случившееся на гребне эйфории от победы тогдашних демократических сил, явилось мощным толчком для возникновения жарких споров и дискуссий, предметом которых стала необходимость повсеместного пересмотра советского топонимического наследия. На повестку дня были поставлены, во-первых, возвращение исторических названий, переименованных в советское время, и во-вторых, как более радикальный вариант, — переименование советских названий даже в тех случаях, когда они не имели исторических предшественников.

Участниками дискуссий стали не только представители городской власти и специалисты в сфере топонимики, но и члены различных общественно-политических организаций, а также многие обычные жители Санкт-Петербурга. Городской топонимический ландшафт превратился в арену для конкурирующих интерпретаций, находящихся на пересечении различных сфер общественной жизни — от политики и экономики до религии и искусства.

Попытки изучения дискуссий о переименовании и возвращения названий предпринимались неоднократно, однако вплоть до сегодняшнего дня они носили преимущественно количественный характер и в целом сводились только к оценке доли горожан, согласных или несогласных с необходимостью переименования или возвращения конкретных названий. В качестве одного из последних примеров можно привести опрос об отношении жителей к возвращению исторических названий ряду улиц в центре города. Этот опрос был проведён по инициативе Санкт-Петербургской межведомственной комиссии по наименованиям (Топонимической комиссии) на базе интернет-порталов «Фонтанка.ру» и «Карповка.ру» в марте 2012 г.

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, имеет другую теоретическую и эмпирическую направленность. Оно сфокусировано на рассмотрении качественных характеристик публичной дискуссии о переименовании и возвращении исторических названий с точки зрения анализа стратегий аргументации,

используемых участниками дискуссии для критики и обоснования мнений по топонимическим вопросам.

Объект, предмет и цель исследования

Объектом исследования стали три источника информации. Во-первых, это проведённые автором в 2012 г. интервью с членами Топонимической комиссии Санкт-Петербурга и представителями общественно-политических организаций, активно участвующими в топонимической жизни города. Во-вторых, статьи в средствах массовой информации, посвящённые вопросам переименования и возвращения исторических названий в Санкт-Петербурге. В-третьих, дискуссии, посвящённые вопросам переименования/возвращения исторических названий на интернет-форумах.

Предметом исследования были стратегии аргументации, представленные в репертуаре участников дискуссии.

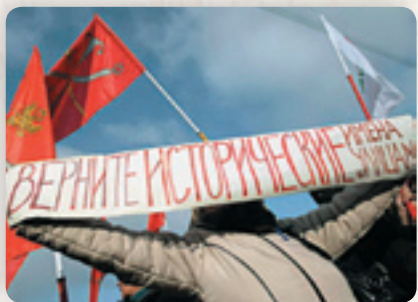
Цель исследования — выявление общих принципов формирования различных стратегий аргументации по вопросам переименования и возвращения исторических названий и рассмотрение соответствующих им порядков ценностей, лежащих в основе критики и обоснования различных позиций.

Результаты исследования: топонимические «миры»

Исследование привело к выводу о неоднородности рассматриваемой дискуссии. Обсуждая конкретные проблемы топонимической жизни города, социальные акторы апеллируют к ценностям различных порядков, формирующих замкнутые «миры», в рамках которых выстраиваются системы аргументации. Каждый из этих шести выявленных «миров», которым мы придали характерные обозначения, предполагает определённый способ прочтения городского топонимического текста, соответствующий особому способу рассмотрения топонимов и практики переименования/возвращения исторических названий.

I. В рамках **символического «мира»** топонимы рассматриваются как знаки, которые необходимо читать в контексте присущих им коннотаций. В фокус рассмотрения здесь попадают не сами названия, а их мемориальные и символические составляющие: имена людей, названия событий, мест и т. д. Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором топоним оценивается с точки зрения того, насколько вписанные в него символические составляющие достойны увековечивания в народной памяти и могут рассматриваться в качестве позитивных нравственных ориентиров.

Представляется, что наиболее ярко ценности этого «мира» демонстрируют следующие слова протоиерея Александра Степанова — главного редактора радиостанции «Град Петров» и сторонника массового возвращения исторических названий в Санкт-Петербурге: «Памятник — это не просто произведение искусства, это указание на нравственный образец. Нужно правильно расставить знаки препинания в виде названий улиц, памятников, которые очень незаметно управляют нравственным процессом»¹.

¹ Санкт-Петербург: об исторических названиях улиц // www.dailysmi.net/news/127742.

Объектом споров в этом контексте становятся различные стратегии оценки мемориальных и символических составляющих названий.

Точкой наибольшего напряжения становятся коммеморативные названия улиц в честь революционных деятелей начального периода советской эпохи. Сторонники переименования называют их «палачами» и «кровавыми убийцами», а их оппоненты — «героями» и «борцами за лучшую жизнь для народа». В этом контексте акты переименования и возвращения исторических названий принимают значение символических судов над советским строем и его деятелями, а участников дискуссии можно назвать «репутационными антрепренёрами»², деятельность которых направлена на легитимацию определённого взгляда на историю и вклад конкретных исторических личностей.

Для символических названий вписанные в них коннотативные сообщения принимают различные, часто противоположные значения в зависимости от контекста их прочтения. Типичной здесь является дискуссия о возвращении исторических названий десяти *Советским улицам*, которые до 6 октября 1923 г. носили название *Рождественских*³. В обоих общественных дискурсах, которые можно назвать дискурсами «возвращения» и «контрвозвращения», само название рассматривается как символ религиозных ценностей. (В данном примере — по давно утраченной церкви Рождества Христова, находившейся на углу современных 6-й Советской улицы и Красноборского переулка.) Однако если в рамках первого дискурса оно маркируется как позитивный знак, символизирующий возврат к светлым нравственным ориентирам, то в рамках второго — крайне негативно, как знак агрессивной религиозной пропаганды, недопустимой в светском обществе.

II. В рамках **лингвистического «мира»** названия рассматриваются как формальные ярлыки, способ прочтения которых не предусматривает обсуждения их символического значения. Такой подход предполагает исключение из дискуссии всех вопросов, касающихся оценки деятельности людей или смысла символов, вписанных в городскую топонимический ландшафт, что, безусловно, демонстрирует следующая цитата из обсуждения на одном из петербургских интернет-форумов: «Любое название — это всего лишь имя, а никакой не монумент за какие-то заслуги»⁴.

Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором в качестве предпочтительного рассматривается по названию, которое является более «красивым» или «удобным» для употребления в повседневной коммуникации.

Данный контекст позволяет выделить три основных порядка оценок, в рамках которых участники дискуссии выстраивают свои системы аргументации. Для их обозначения мы предлагаем использовать три понятия порядков.

Эстетический порядок — это такой принцип ведения дискуссии, при котором в качестве критериев оценки рассматриваются красота и благозвучность названия. В рамках этого порядка оценка зависит от субъективных интерпретаций и восприятий, поэтому здесь открывается практически безграничное пространство для критики или оправдания различных позиций.

² Fine G. Reputational entrepreneurs and the memory of incompetence: melting supporters, partisan warriors, and images of President Harding // *American Journal of Sociology*. 1996. N 101. P. 1159–1193.

³ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 412–414.

⁴ www.sxnarod.com/vozvrashenie-istoricheskikh-nazvaniy_70-t.html.

Утилитарный порядок — это принцип, при котором в качестве критерия оценки рассматривается удобство произнесения названия. В большинстве случаев оценка по этому критерию совпадает с оценкой по указанному выше критерию благозвучности, однако иногда оценки всё же различаются, что можно продемонстрировать на примере следующей цитаты: «Рождественские, конечно, красивое название, но к Советским, в принципе, уже все привыкли, да и выговаривается как-то проще»⁵.

Генетический порядок — это принцип, в соответствии с которым название оценивается на основании его языкового происхождения. Здесь можно выделить два основных модуса существования этого порядка: протекционистский и интернационалистский. В рамках первого предпочтение отдаётся названиям, происходящим из русского языка, в рамках второго указывается на то, что иноязычные названия, по сути, отражают «дух» города. Различие между этими двумя дискурсами можно продемонстрировать на примере различных оценок имеющего типично западно-европейский вид названия *Оккервиль*⁶. Именно оно предлагалось для переименования станции метро «Проспект Большевиков», поскольку она находится в непосредственной близости от этой реки: «Ни в коем случае нельзя переименовывать, с какой стороны Оккервиль истинно питерское название??? Это ж скандинавское название»⁷; или: «Оккервиль, конечно, не русское, но Петербург на то и многонациональный, многоконфессиональный город»⁸.

III. В рамках пространственного «мира» топонимы рассматриваются как географические ориентиры, основная функция которых — способствовать удобству навигации в городском пространстве.

Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором в качестве предпочтительного рассматривается название, имеющее большую привязку к репрезентируемой местности. Смысл этого порядка ярко демонстрируют слова из нашего интервью с членом Топонимической комиссии Алексеем Владимировичем, в которых обосновывается необходимость возвращения упомянутым Советским улицам исторического названия: «Что такое Советская улица? Как можно так назвать? Если Рождественские улицы были именно в этой местности вокруг Рождественской церкви, то Советские могут быть где угодно».

Объектами споров и дискуссий в этом контексте становятся различные стратегии определения доминант местности. В качестве примера здесь снова можно обратиться к дискуссии о переименовании станции метро «Проспект Большевиков» в «Оккервиль». Сторонники переименования, в первую очередь члены Топонимической комиссии, указывали на то, что река Оккервиль является ключевым ориентиром района, который обслуживает станция; противники же указывали на то, что эта «грязная речушка» доминантой целого района никак считаться не может. Наглядно этот спор иллюстрирует следующий заочный диалог, представленный

⁵ Из обсуждения в группе «Проголосуй за переименование Советских улиц!!!» в социальной сети «ВКонтакте» // vk.com/topic-4376252_7219702.

⁶ О сути происхождения топонима «Оккервиль» см.: Мартынов Г. Г. Пять веков топонимии Колтушской земли // Новый топонимический журнал (далее — НТЖ). 2012. № 1. С. 43–47; Рысев С. Е. От Лезьби до Оккервиля: «Ярляки» одной реки // НТЖ. 2014. № 1. С. 61–72.

⁷ Из комментариев на интернет-форуме любителей метро Санкт-Петербурга // www.subwaytalks.ru/viewtopic.php?f=51&t=3195&start=45.

⁸ 5 канал: КПРФ против Топонимической комиссии // www.cprfspb.ru/360.html.

в одной из статей, посвящённых возможному переименованию: ««Самая верная привязка для станций метро — географическая. <...> Историческая ось южных районов — река Оккервиль, так что назвать станцию этим именем вполне логично». — «Говорят, что река Оккервиль — основообразующий элемент района. Может, когда-то так и было, но сейчас это дурно пахнущий ручеек»⁹.

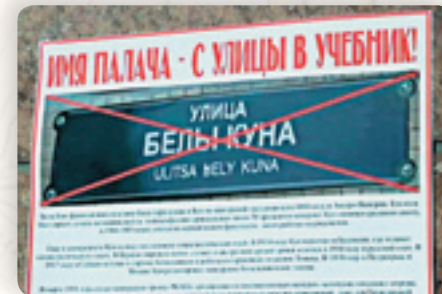
Таким образом, в дискуссиях о возвращении исторических названий распространённый аргумент защитников советской топонимии состоит в том, что старые названия уже не имеют той географической привязки, которая существовала раньше, ввиду утраты пространственных доминант, к которым они отсылали: «Ни Благовещенской, ни Рождественской церковей нет и уже не будет, поэтому и возвращать названия уже незачем»¹⁰.

IV. В рамках историко-культурного «мира» топонимическая среда рассматривается как важный элемент городского наследия. Ценности этого «мира» в точности демонстрируют слова, сказанные нам другим членом Топонимической комиссии, Андреем Ръжковым: «Топонимическая городская среда есть такой же элемент наследия, как и среда архитектурная. И этот элемент имеет собственное культурное значение, совсем не эквивалентное значению имён людей, помещённых на карту города».

Предметом споров и дискуссий в этом контексте становятся различные порядки определения историко-культурной ценности топонимов. В соответствии с результатами проведённого анализа можно выделить как минимум четыре таких порядка, которым мы дали собственные обозначения.

Понятию *порядка первенства* соответствует формула: «Первое название — наиболее ценное». Акты переименования и возвращения исторических названий в этом контексте принимают различное значение. Переименование рассматривается как антиисторическое действие, которое вообще не должно стоять на повестке дня, а возвращение старых названий — как способ восстановления исторической справедливости: «Возвращение названий — это акт справедливости. Ведь называть имеет право лишь тот, кто сотворил. <...> Хотите Коммунистический проспект — так постройте его сами, тогда и относиться к такому явлению можно будет с уважением, как к памятнику эпохи»¹¹.

Временной порядок в качестве основного критерия оценки предполагает рассмотрение длительности существования топонима. Такому порядку соответствует формула: «То название, которое существовало дольше, является более историчным». Примером артикуляции принципов этого порядка может являться следующая позиция по вопросу возвращения Советским улицам дореволюционного названия, где автор не соглашается

⁹ Жаворонкова Ю. «Большевик» снимают с ветки // Известия. 2008, № 115.

¹⁰ Из комментариев к статье «В Петербурге вернулись к вопросу переименования улиц» // karpovka.net/2012/03/15/35380/. В первом случае подразумевается церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, по которой в конце XIX века получила название Благовещенская площадь (современная площадь Труда).

¹¹ Геннадий Беловолов, протонерей. Называть имеет право лишь тот, кто сотворил // rusk.ru/st.php?idar=181834.

с тем, что данное возвращение можно рассматривать как акт восстановления исторической справедливости: «*Советскими улицы были 90 лет, а Рождественскими — 70, где историческая справедливость?»*¹².

В рамках *событийного порядка* основным критерием оценки становится привязка названия к историческим событиям и их репрезентациям в документальной и художественной литературе. Обращение к такому порядку, например, лежало в основе аргументации Топонимической комиссии о необходимости возвращения дореволюционного названия *Сенатской площади* (в советское время, с 1923 г., она называлась *площадью Декабристов*). Об этом в своём интервью упомянул Алексей Владимирович: «*Мы с радостью вернули название Сенатская площадь, потому что кто бы там что ни говорил, но декабристы выходили на Сенатскую площадь, а не на площадь Декабристов*».

Понятие *порядок равнозначности* используется нами для обозначения такой стратегии аргументации, при которой все названия рассматриваются как имеющие одинаковую ценность. Обращение к ним становится принципиальным аргументом вообще против всех переименований и возвращений исторических названий. В наиболее радикальной форме такая позиция постулирует относительность всех суждений об «историчности» и рассматривает различные инициативы по переименованию или возвращению исторических названий как одну из форм идеологической борьбы: «*Никакого возвращения «исторических названий» не существует. Все названия по определению исторические. А кампания «за возвращение...» — это просто форма идеологической борьбы*»¹³.

V. В рамках *ностальгического «мира»* петербургские топонимы рассматриваются как важные элементы индивидуальной памяти горожан. Названия становятся символическими вехами частных биографий, связывая городское пространство с уровнем личных переживаний. Ценности этого мира ярко репрезентирует следующая цитата из интервью, взятого нами у одного из основателей градозащитной организации «Группа спасения памятников» Сергея Васильева: «*Я отношусь к городу так: то, что болит в нём, то, на что отзывается, когда запрашивают что-то для меня родное, любимое и, безусловно, сущностное, я за это вступаюсь. <..> Это касается и топонимики*».

Объектами споров и дискуссий в этом контексте становятся индивидуальные интерпретации или восприятие городской топонимической среды. В качестве примеров артикуляций ценностей данного «мира» можно привести две цитаты. Первая из них взята из той же дискуссии о возвращении исторических названий Советским улицам: «*Разве честно взять и стереть с лица Земли адрес детства??? О чём говорят людям Рождественские (для меня это лишь пусть и очень красивое, но просто историческое название...), какие воспоминания навевают?»*¹⁴. Другая цитата касается вопроса о переименованиях станций метро «Проспект Большевиков» и «Улица Дыбенко» в исторической местности *Весёлый посёлок* (очевидно, по названию существовавшей здесь в XIX веке немецкой колонии Lustdorf): «*Для меня Весёлый посёлок — это что-то очень родное. Я вырос на молоке из Весёлого посёлка, к нам оттуда приезжала молочница. А в детстве там грибы собирали*»¹⁵.

¹² Из комментариев к статье А. В. Кобака «Название “площадь Восстания” — это исторический казус» // karovka.net/2012/04/04/38318/. Данному респонденту, очевидно, неизвестно, что в действительности название Рождественских улиц появилось ещё в последней трети XVIII века.

¹³ Из обсуждения в группе «Проголосуй за переименование Советских улиц!!!».

¹⁴ vk.com/topic-4376252_7219702.

¹⁵ Жаворонкова Ю. Указ. соч.

VI. В рамках последнего, *экономического «мира»* в фокус обсуждения попадают не конкретные топонимы, а практика переименования/возвращения исторических названий в целом, которая рассматривается как статья расходов, требующая определённых издержек не только от городских властей, но и от всех жителей города. Этому «миру» соответствует такой порядок ценности, при котором приоритет отдаётся экономическому благосостоянию, а любые переименования рассматриваются как неоправданные затраты.

Участники дискуссии, обращающиеся к ценностям этого «мира», обычно прибегают к трём основным стратегиям аргументации.

Первую из них можно назвать *коррупционной стратегией* — это такая модель аргументации, в которой артикулируется позиция, будто акты переименования/возвращения исторических названий означают всего лишь один из способов безнаказанного «распила» бюджетных средств.

Понятие *бюрократической стратегии* отсылает к аргументации, в которой указывается на то, что переименование/возвращение исторических названий сопряжено с серьёзными бюрократическими издержками, связанными с заменой различной документации.

Наконец, *неприоритетная стратегия* — это модель, в которой говорится о том, что по сравнению с другими городскими проблемами вопросы переименования/возвращения играют второстепенную роль, и средства из городского бюджета должны тратиться в первую очередь на решение более насущных проблем.

Общий смысл этих стратегий можно продемонстрировать на примере цитат из обсуждения вопроса возвращения исторических названий Советским улицам в одной из групп в социальной сети «ВКонтакте»: «*Зачем это [возвращение исторических названий]. — Е. Т.]? Чтоб «под шумок» ещё денежек мелкие чиновники наворовали?»*; «*То, что тысячам придётся переоформлять документы (паспорта, свидетельства о собственности и т. д.) и кто-то намается, получая наследство или деньги на ребёнка, — это ведь ерунда, нам главное восстановить историческую справедливость»*; «*Историческое название — напрасные расходы, пусть лучше там дом подремонтируют*»¹⁶.

Заключение

Итак, представленные в настоящей статье шесть «миров» формируют замкнутые смысловые поля, которые ограничивают возможность критики апелляцией к внутренним порядкам ценностей. Внешняя критика (с позиций других «миров») в большинстве случаев маркируется как идеологизированная, а это приводит к тому, что глобальная дискуссия о переименовании/возвращении исторических названий распадается на множество фрагментированных герметичных дискуссий, участники которых формируют замкнутые сообщества. Необходимым условием для возникновения конструктивного взаимодействия между различными сообществами в этом контексте становится понимание особенностей и принципов существования каждого из миров, которое требует проведения дальнейших исследований, как количественных, так и качественных.

¹⁶ vk.com/topic-4376252_7219702?offset=0.

Официальный отдел

В Правительстве Санкт-Петербурга

ПОСТАНОВЛЕНИЕ **Правительства Санкт-Петербурга** **от 15 мая 2014 г. № 361**

О присвоении названий безымянным путепроводам Санкт-Петербурга

С учётом решения Санкт-Петербургской межведомственной комиссии по наименованиям (Топонимической комиссии) от 24.12.2013 (протокол № 1) Правительство Санкт-Петербурга постановляет:

1. Присвоить безымянным путепроводам следующие названия:

Индустриальный путепровод — через линию Всеволожской ж. д. в створе Индустриального пр.;

Коломяжский путепровод — через линию Сестрорецкой ж. д. по Коломяжскому пр.;

Колтушский путепровод — через ж.-д. линию Ржевка — Горы в створе пр. Косыгина;

Митрофаньевский путепровод — через линию Соединительной ж. д. в створе Митрофаньевского шоссе и Кубинской ул.;

Парнасский путепровод — через линию Соединительной ж. д. по пр. Энгельса;

Российский путепровод — через ж.-д. линию Дача Долгорукова — Заневский пост в створе Индустриального пр. и Российского пр.;

Ручьёвский путепровод — через линию Приозерской ж. д. по Пискаревскому пр. у ж.-д. станции Ручьи.

2. Внести в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 06.02.2006 № 117 «О Реестре названий объектов городской среды» следующие изменения:

2.1. В таблице 5 приложения к постановлению исключить позицию

«Коломяжский мост	через Чёрную речку в створе Коломяжского пр.»
-------------------	---

2.2. Дополнить таблицу 6 приложения к постановлению:

2.2.1. После позиции

«Дунайский путепровод	через линию Витебской ж.д. по Дунайскому пр.»
-----------------------	---

позициями следующего содержания:

«Индустриальный путепровод	через линию Всеволожской ж. д. в створе Индустриального пр.
Коломяжский путепровод	через линию Сестрорецкой ж. д. по Коломяжскому пр.
Колтушский путепровод	через ж.-д. линию Ржевка — Горы в створе пр. Косыгина»

2.2.2. После позиции

«Лиговский путепровод	через линию Балтийской ж. д. в створе Таллинского шоссе и пр. Маршала Жукова»
-----------------------	---

позицией следующего содержания:

«Митрофаньевский путепровод	через линию Соединительной ж. д. в створе Митрофаньевского шоссе и Кубинской ул.»
-----------------------------	---

2.2.3. После позиции

«2-й Охтинский путепровод	на Свердловской наб. у дома № 62»
---------------------------	-----------------------------------

позицией следующего содержания:

«Парнасский путепровод	через линию Соединительной ж. д. по пр. Энгельса»
------------------------	---

2.2.4. После позиции

«Пискаревский путепровод	через линию Соединительной ж. д. по Пискаревскому пр.»
--------------------------	--

позициями следующего содержания:

«Российский путепровод	через ж.-д. линию Дача Долгорукова — Заневский пост в створе Индустриального пр. и Российского пр.
Ручьёвский путепровод	через линию Приозерской ж. д. по Пискаревскому пр. у ж.-д. станции Ручьи»

2.3. В таблице 6 приложения к постановлению позицию

«путепровод “Нева”	через линию Окружной ж. д. в створе Народной ул.»
--------------------	---

изложить в следующей редакции:

«путепровод “Нева”	через линию Окружной ж. д. по Народной ул.»
--------------------	---

3. Контроль выполнения постановления возложить на вице-губернатора Санкт-Петербурга Кичеджи В. Н.

Губернатор
Санкт-Петербурга

Г. С. Полтавченко

К 70-летию Великой Победы

Е. П. Сизёнов

ВОЕННАЯ ТОПОНИМИКА ГОРОДА КОЛПИНО

Память о Великой Отечественной войне хранит топонимия каждого российского города, да и, наверное, большинства других крупных населённых пунктов страны. В некоторых из них она занимает особое место. Таков город Колпино, сыгравший важнейшую роль в битве за Ленинград 1941–1944 гг., один из шести населённых пунктов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, удостоенных почётного звания «Город воинской славы».

Штаб обороны Колпина был создан уже в первые дни войны. Руководителем его стал Александр Васильевич Анисимов. Будучи бригадиром листопрокатного цеха Ижорского завода и депутатом горсовета, после образования Колпинского района в 1936 г. он был избран председателем исполкома райсовета. Из городского актива А. В. Анисимов создал отряд добровольцев в составе 61 бойца.

Получив информацию о приближении гитлеровских войск к Колпину, 29 августа 1941 г. отряд выдвинулся по правому берегу Ижоры в район немецких колоний (их было три: ближайшая к Колпину — Нижняя, она же Первая, наиболее дальняя — Третья; территории Второй и Третьей ныне входят в состав посёлка Тельмана Тосненского района Ленинградской области). С созданием в сентябре 1941 г. 72-го отдельного пулёмётно-артиллерийского (Ижорского) батальона отряд Анисимова стал ядром его первой роты.

В 1942 г. за организацию обороны Колпина А. В. Анисимов был награждён орденом Ленина. Погиб он уже после освобождения Ленинграда от блокады: в марте 1944 г. его автомобиль подорвался на mine в Мгинском районе Ленинградской области. Памятник на его могиле на Колпинском городском кладбище по проекту архитектора М. А. Шешилевского установили в 1947 г.

Тогда же, 6 июня 1947 г., в честь А. В. Анисимова была названа улица в бывшей Нижне-Ижорской немецкой колонии, территория которой вошла в черту Колпина сразу после войны.

В то время на улице имелся всего один уцелевший каменный дом, до войны принадлежавший старосте колонии Питеру Штейнмюллеру. Это здание под № 3 стоит и поныне. С 1956 по 1969 г. в нём размещалась общеобразовательная школа № 454, а с 1979 г. — Детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва по конькобежному спорту. В 1971 г. на доме была установлена памятная доска, посвящённая А. В. Анисимову. Современная застройка улицы относится к 1980-м и 2000-м годам.

А. В. Анисимов. 1942

Памятная доска на улице в честь А. В. Анисимова. 2014

Улица Анисимова соединяет улицу Ижорского батальона и Оборонную улицу. Обе они также находятся в исторической местности бывшей Нижне-Ижорской немецкой колонии. Оборонная улица служит южной границей Колпина, а значит, и всего Санкт-Петербурга.

Название *Оборонной улицы* было присвоено также 6 июня 1947 г. Связано оно с тем, что в непосредственной близости от неё в годы войны и проходил передний край обороны Ленинграда. В мае 2010 г. напротив дома № 2 была открыта Аллея Славы, центральным объектом которой стал подлинный дот, установленный здесь в 1941 г.

Проезд, параллельный Оборонной улице, в тот же день, 6 июня 1947 г., получил название *Нижне-Ижорская улица* в память о существовавшей тут, как уже было сказано выше, немецкой колонии. Однако сохранять напоминание о ней в планы тогдашнего партийного и советского руководства, очевидно, не входило. Очень скоро, 5 августа 1948 г., она была переименована в *улицу Ижорского батальона*.

Наряду с другими формированиями колпинских ополченцев Ижорский батальон сыграл решающую роль, остановив наступление немецких войск 15–17 сентября 1941 г.: «Тяжёлый бой идёт в районе Колпина. Ижорцы трижды ходили в атаку, дрались врукопашную. Потребовалось немало усилий, чтобы выбить противника из домов, занятых им вчера [15 сентября. — Е. С.] на окраине 3-й Колпинской колонии»¹.

Ижорский батальон прошёл славный боевой путь, участвовал во всех операциях на колпинском участке фронта. В 1944 г. за освобождение Пскова он был награждён орденом Красного Знамени. Однако и память о Нижне-Ижорской колонии как передовом рубеже обороны Ленинграда всё же должна быть каким-то образом сохранена для потомков на карте города, а не только в военной литературе и работах краеведов. Возможно, её название следует закрепить как наименование исторического района.

Три проезда в Колпине получили имена лётчиков, защищавших ленинградское небо. В левобережной части это улицы Косинова и Губина, появившиеся в первой послевоенной планировке Колпина 1949 г.

Аллея Славы на Оборонной улице. 2013

¹ Буров А. В. Блокада день за днём: 22 июня 1941 г. — 27 января 1944 г. Л., 1979. С. 58.

Стрелок-бомбардир лейтенант Семён Кириллович Косинов и стрелок-радист сержант Назар Петрович Губин служили в 125-м бомбардировочном авиационном полку. Первый из них совершил 61 боевой вылет, второй — всего 5...

Экипаж в составе пилота младшего лейтенанта Ивана Сергеевича Черных (62 боевых вылета), С. К. Косинова и Н. П. Губина 16 декабря 1941 г. получил задание разбомбить колонну немецкой техники в районе города Чудово. При подлёте к цели их самолёт был подбит огнём зенитной артиллерии. Несмотря на повреждения, Косинов сбросил бомбы на цель, но пламя сбить не удалось, и до аэродрома самолёт вряд ли бы дотянул. Тогда экипаж принял решение совершить таран.

Н. П. Губин. 1941 С. К. Косинов. 1941

И. С. Черных направил пылающую машину в гущу вражеской техники. Н. П. Губин продолжал вести пулемётный огонь. Лётчики погибли... За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистским захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм 16 января 1942 г. всем троим были присвоены звания Героев Советского Союза (посмертно)².

В 1950 г. *улица Косинова* (бывшая *1-я Турбинная*) и *улица Губина* (новая) появились и в Кировском районе Ленинграда. В 1965 г. ещё одна улица в том же районе была переименована в честь *Ивана Черных* (бывшая *Новосивковская*)³.

На колпинской улице Губина (дом № 10/50) памятная доска впервые была установлена в 1971 г. В 1990-е гг. она была утрачена, но в мае 2004 г. установлена вновь. Тогда же появилась и памятная доска на улице Косинова, дом № 7/21 (сейчас по этой улице числятся всего два дома).

Имя ещё одного героя было присвоено в 1949 г. улице в северной части Колпина. Младший лейтенант Алексей Тихонович Севастьянов, совершивший 47 боевых вылетов, в ночь с 4 на 5 ноября 1941 г. решил пойти на таран после того, как, атакуя немецкий «Хейнкель-111», не смог подбить его, а боеприпасы у него закончились. Его подвиг стал единственным в своём роде в ленинградском небе и вторым в истории авиации ночным воздушным тараном. Пос-

² Герои Советского Союза: Краткий биограф. словарь. Т. 1. М., 1987. С. 385–386, 743; Т. 2. М., 1988. С. 726.

³ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А. Г. Владимировича (далее — БТЭ). СПб., 2013. С. 127, 167, 206.

ле удара лётчик, выброшенный из машины, успел раскрыть парашют и приземлился на территории Невского завода. Обломки немецкого самолёта рухнули в Таврический сад.

Погиб А. Т. Севастьянов, тогда уже старший лейтенант, 23 апреля 1942 г. в воздушном бою при защите «Дороги жизни». Его горящая машина упала в болото за железнодорожной станцией Рахья. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему 6 июня того же года (посмертно).

В 1949 г. *улица Севастьянова* появилась и в Московском районе Ленинграда, а вот достойно похоронить отважного лётчика смогли лишь после того, как в июне 1971 г. была обнаружена его машина. Могилу героя находится на Чесменском воинском кладбище.

В числе новых названий колпинских проездов, появившихся в первые послевоенные годы, — *улица Красных Партизан*. В то время началась застройка пустой территории за тогдашней западной границей Колпина, проходившей по *Западной улице* (переименованной в 1975 г. в *улицу Братьев Радченко*). Проезды, параллельные Западной улице, в послевоенной проектной документации назывались линиями и были пронумерованы. В 1947 г. *1-я линия* официально была названа *Новой улицей* (фактически это название существовало с 1946 г.), а с 5 августа 1948 г. получила наименование *улица Красных Партизан*.

В этот же день на карте города появилась *улица Танкистов* (фактически также существовала с 1946 г.). Название присвоено в честь воинов 84-го батальона 220-й Гатчинско-Берлинской Краснознамённой ордена Суворова II степени отдельной танковой бригады (недалеко от места, где теперь находится улица, проходил путь батальона к деревне Путролово Ленинградской области для участия в операции по её освобождению 23 июля 1942 г.). Интерес, проявленный школьниками к названию улицы, положил в 1970-е гг. начало большой поисковой работе, результатом которой стало создание в колпинской школе № 467 музея 220-й танковой бригады.

Особое место в колпинской военной топонимии занимает *улица Тазаева*. Появилась она после 1951 г. перед стадионом «Ижорец», поэтому получила название *Спортивная улица*. Затем 15 мая 1965 г. согласно решению Ленгорисполкома № 454 наряду с несколькими другими улицами Ленинграда и пригородов, названными именами героев войны, она сменила своё имя.

Алексей Иванович Тазаев родился 18 мая 1916 г. в семье рабочего Ижорского завода и после окончания фабрично-заводского училища пошёл работать туда же. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В июне 1941 г. он стал помощником начальника противозащитной обороны завода, а 2 февраля 1942 г. по личной просьбе был отправлен на фронт. Участвовал в обороне Ленинграда, в прорыве блокады (операция «Искра») и в освобождении Ленинграда от блокады (Красносельско-Ропшинская операция), в Выборгской операции и освобождении островов в Выборгском заливе.

В 1944 г. после окончания курсов младшего командного состава лейтенант Тазаев прибыл в 124-ю стрелковую дивизию 39-й армии (3-й Белорусский фронт). Командовал взводом, который в январе 1945 г. участвовал во взятии города Пилькаален в Восточной Пруссии. В ожесточённом бою получила тяжёлое ранение и 17 января скончался в медсанбате. В Пилькаалене (современный посёлок Добровольск Калининградской области) он и был похоронен. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему 19 апреля 1945 г. (посмертно).

Сразу же после переименования на доме № 4 по улице Тазаева была установлена памятная доска. С 1966 г. в первую субботу июля от неё после возложения цветов стартует ежегодный легкоатлетический пробег имени Героя Советского Союза А. И. Тазаева. Имя героя носит также Ижорский профессиональный политехнический лицей (ИППЛ № 6) — преемник ФЗУ, которое окончил Тазаев.

А. Т. Севаст'янов. 1942 А. И. Тазаев. 1944

В 1970 г. в связи с 25-летием Победы в Великой Отечественной войне в Колпине появился *бульвар Победы*, выделенный в качестве отдельного проезда из *улицы Володарского* (проходящий вдоль здания заводууправления Ижорского завода, ранее он был более известен колпинцам по своему полуофициальному названию *Административный проезд*)⁴. Выбор именно этого места не случаен: буквально в нескольких метрах от него на бульваре Свободы, от которого и начинается бульвар Победы, в 1959 г. был открыт памятник в честь подвига 72-го Ижорского батальона по проекту М. А. Шепилевского⁵.

В 1989 г. Ленгорисполком принял решение дать одной из будущих улиц, которая должна была появиться рядом с улицей Ижорского батальона, название *улица Сандружинниц*, но это решение выполнено не было, потому что новый проезд тогда так и не появился. Нет его и сейчас.

Почти семь десятилетий о подвиге защитников Колпина и Ленинграда в Великой Отечественной войне нам ежедневно напоминают многие топонимы города, удостоенного в мае 2011 г. почётного звания «Город воинской славы». Можно ожидать, что на карте Колпина появятся и другие названия, связанные с военной тематикой. Наряду с произведениями монументальной скульптуры имена улиц играют важнейшую роль в сохранении памяти о тех событиях и героях. Колпинцы с нетерпением ожидают установки колонны воинской славы в сквере у кинотеатра «Подвиг». Кстати, сам сквер пока безымянный, и вопросом его названия уже озаботилась Топонимическая комиссия.

⁴ БТЭ. С. 663.

⁵ До революции, в начале XX века, здесь, на главной плотине Ижорских заводов, по которой проходит современный бульвар Свободы, была открыта мемориальная доска в честь 100-летия реконструкции Адмиралтейских Ижорских заводов, разрушенная в годы Великой Отечественной войны.

Историко-топонимические исследования

Н. Д. Светозарова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТОПОНИМИКИ И ПРОБЛЕМА ИХ СОХРАНЕНИЯ

Особенность топонимов, в том числе и внутригородских, состоит в том, что, выполняя свои главные функции — ориентировочную и культурно-историческую, — они одновременно служат словами конкретного языка и как таковые живут и изменяются по законам этого языка. Поэтому в Топонимической комиссии Санкт-Петербурга наряду с историками, краеведами, архитекторами участвуют и лингвисты, а один из принципов работы комиссии согласно её положению состоит в необходимости «руководствоваться правилами русского языка, удобством в произношении, закономерностями обиходного употребления названий».

Существует и ещё один, может быть, менее заметный принцип: в таком тонком деле, как возвращение исторических и создание новых наименований объектов городской среды, руководствоваться необходимо и языковыми особенностями города, в данном случае петербургскими. Городские топонимы отражают не только ландшафт, планировку, особенности застройки города, но и сам процесс его возникновения и развития, его возраст и официальный статус.

Традиция наименования городских объектов Санкт-Петербурга тесно связана с его относительной молодостью и имперско-столичным статусом. Петербург — город стройный, регулярный, «умышленный», язык его более книжный, нежели разговорный, и топонимы более строгие и нередко искусственные. Это хорошо видно при сравнении петербургских топонимов с московскими, значительно более старыми и, следовательно, в значительной степени более естественными.

Самое яркое различие между двумя столицами заключается, безусловно, в том, что в Петербурге практически отсутствуют столь типичные для Москвы названия улиц в форме существительного, в частности с суффиксом *-ка*: *Валхонка*, *Остоженка*, *Пречистенка*, *Солянка*, *Сретенка*... В Петербурге это скорее единичные случаи — *улица 2-й Луч*, (*улица Межевой канал*, (*улица*) *Шкиперский проток*, (*улица*) *Введенский канал*, *переулок Рублёвки* (новодел на месте бывшего селения). В целом сейчас они воспринимаются скорее как топонимические курьёзы, каждый со своей историей (осколок оригинальной планировки или давно засыпанный канал).

В Москве же подобные названия — это не то чтобы правило (в количественном отношении субстантивных топонимов не слишком много), однако они именно московские, характерные для её исторического ядра; они древние, традиционные, отражающие и почтенный возраст старой столицы, и её планировку, и обилие церквей¹. Сама модель топонимов с суффиксом *-ка* в русском языке широко используется для обозначения места проживания, так строятся названия большого количества деревень. В Петербурге подобные топонимы тоже есть, но у нас это не улицы, а более крупные

¹ А. В. Успенский писал: «Ничего оригинального не представляют собою храмовые, церковные имена. Петербургский термин “у Покрова” мало отличается по смыслу от московской “Покровка” (да и в десятках других городов встречаются или встречались названия этого же значения и происхождения). Оба обязаны своим существованием церквам, сооружённым в честь праздника Покрова. Успенские, Введенские, Никольские переулки и улицы существовали повсюду, немало их было и в Петербурге. Единственное, что отличало эти имена от их более древних прототипов, — это официальная, грамматически правильная форма» (см.: Успенский А. В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 465).

объекты. Названия улиц в Петербурге имеют форму прилагательного. Поэтому на собищение, считающееся обычным: «Я живу на Гражданке», — может последовать естественный вопрос: «А где? На какой улице?». Пожалуй, единственное исключение — это неофициально-фамильярный *Лиговка*, попадающее даже в заглавия книг², вместо официально-холодного *Лиговский проспект* (до 1952 г. — *Лиговская улица*).

Разумеется, этому есть свои объяснения, их даже два. Во-первых, данная форма топонима появилась под влиянием фамильярного же наименования *Лиговского канала* (речки *Лиговки*), а названия на *-ка* очень характерны для петербургских рек (*Мойка*, *Фонтанка*, *Смоленка* и т. д.). Во-вторых, Лиговка — это не только и даже не столько проезд, сколько более крупный объект с определённой славой, причём дурной. Это не просто улица, а понятие: там лиговская шпана, там гошники...

Главное же и принципиальное отличие этого образования от милых названий улиц Москвы в том, что там они единственные, нейтральные и официальные, а Лиговка — неофициальный, разговорный вариант официального названия. Я родилась и прожила большую и лучшую часть жизни неподалёку от этого проспекта, на Пушкинской улице, с самого раннего возраста слышала и сама употребляла эту форму, но только в определённых контекстах. Коренной житель Петербурга (или приезжий, уважающий традиции нового места жительства) интуитивно чувствует, когда можно сказать «на Лиговке», а когда — «на Лиговском».

В последнее время образования на *-ка* стали захватывать в Петербурге новые объекты, и притом в центре города: они распространились на Петропавловскую крепость, Петроградскую сторону и даже на Васильевский остров: *Петропавловка*, *Петроградка*, *Васька*... Петербургский лингвист В. В. Химик посвятил московской топонимической достопримечательности (словам-конденсатам, универбатам) специальную статью³, из самого названия которой следует, что в их распространении он видит «руку Москвы». Мне кажется, что это скорее общая тенденция языка к сокращению, упрощению, экономии и одновременно — прогрессирующая «топонимическая фамильярность» (термин В. В. Химика), явно проявляющаяся в просторечных бытовых названиях петербургских учреждений: *Александринка*, *Мариинка*, *Публичка*... В отличие от автора статьи, я не склонна считать этот процесс необратимым и уверена, что он не затронет названий улиц и прочих городских проездов. Тем не менее, чтобы не появлялись в печати такие перлы топонимического новояза, как *Пушкарка* (Пушкарская улица)⁴ — к тому же Большая или Малая? — необходима постоянная работа по воспитанию «чувства языка». Поэтому едва ли можно считать правильным решение присвоить одному из муниципальных округов Санкт-Петербурга официальное название *Лиговка-Ямская*⁵.

Упомянутая тенденция к экономии языковых средств хорошо видна на примере того, как городские наименования функционируют в речи. Как известно, официальные топонимы всегда состоят из двух частей: основной и статусной. Опущение в речи статусной части — это норма. Конечно, можно сказать: «Живу на Пушкинской улице»,

но обычно произносят: «Живу на Пушкинской»⁶, — и это звучит ничуть не менее правильно, чем, например, «Живу на острове, на окраине, на проспекте».

Топоним в форме прилагательного при эллипсисе статусной части подвергается субстантивации (ср. *он учёный человек > он учёный*). Некоторые статусные части обычно не опускаются, например, *линия*: «Живу на Шестой линии», — это более естественно, чем сказать просто: «Живу на Шестой», хотя последнее возможно, если разговор происходит непосредственно в пределах Васильевского острова. Иногда необходимо уточнение: «Встретимся на Дворцовой». — «На площади или на набережной?» (но и это нормально). Также естественна и экономия на статусной части для топонимов-существительных московского типа: «Живу на Солянке, на Полянке».

Иначе обстоит дело с мемориальными генитивными формами, содержащими существительное в родительном падеже. Первые, ещё дореволюционные наименования в этом роде — *улица Грота* (1903), а также переименования — *улица Глинки* (1892) создали своеобразную проблему. Какой падеж использовать при эллипсисе статусной части в случае обозначения места проживания — предложный, которого требует предлог («Живу на...»), или родительный (имени кого)? Очевидно, что и то, и другое одинаково неудачно: на Даля? на Дале?! И всё-таки принцип экономии в разговорной речи неумолим. Таким образом, к историческим и этическим противопоказаниям для мемориальных названий добавляются чисто языковые⁷. Проблема здесь, конечно, не сугубо петербургская, но Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга как при возвращении исконных, так и при создании новых наименований обязательно должна её учитывать.

Сама по себе связь топонима с личным именем не есть что-то чуждое процессу наименования объектов. Отнесение наименования к человеку, проложившему улицу или владеющему на ней заметным строением, — такой же законный принцип, как ориентация на особенности рельефа местности, направление, географические объекты, архитектурные доминанты, культовые здания и т. п. Для этого в русском языке используется специальная конструкция с притяжательными прилагательными, например, *отцова шуба*, *сестрина дача*. Подобные словосочетания являются подтипом относительных прилагательных и относятся к особому (смешанному) типу склонения.

В нашем городе сохранилось немало таких названий, хотя они не являются специфически петербургскими: *Басков переулок*, *Апраксин двор*, *Опочинина улица*...⁸ Чаще всего их названия происходят от фамилий домовладельцев. К сожалению, эта ценная с точки зрения истории языка и уже уходящая форма связана со сложностями языкового употребления. С существительными мужского рода — *Щербаков переулок*, *Уткин проспект* — сложностей не возникает, как и в косвенных падежах женского рода. Однако форма именительного падежа женского рода — например, *Репищева улица*⁹ — совпадает с формой родительного падежа мужского рода, и под влиянием распространившихся

² Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я. Такая удивительная Лиговка. М.-СПб., 2013.

³ Химик В. В. Путешествие из Москвы в Петербург: некоторые топонимические связи // Вопросы культуры речи. Вып. 11 / Отв. ред. А. Д. Шмелев. М., 2012. С. 363–370.

⁴ Сообщение филолога Ю. А. Клейнера. К разряду топонимических фамильярностей, по моему мнению, относится и распространяющееся со страшной скоростью сокращённое название нашего города: Питер. Однако его история и особенности употребления — тема для отдельной статьи.

⁵ О том, что общественное мнение иногда побеждает, говорит такой факт. В рекламе на петербургском радио одно время постоянно воспроизводилось словосочетание «изделия из верблюжьи», но потом, вероятно, по просьбе слушателей его заменили на корректное: «изделия из верблюжьей шерсти».

⁶ В «Ревизоре» Н. В. Гоголя имеются обе формы: полная — в речи почтмейстера Шпекина — и эллипсированная — у Хлестакова: «Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор. <...> Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел» (Действие пятое, явление VIII). — «Любопытно знать, где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой? <...> Напишу наудалую в Почтамтскую. (Свертывает и надписывает). Его благодарно, милостиво государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Почтамтскую улицу» (Действие четвертое, явление IX).

⁷ Этой проблемы нет в тех языках, которые используют модель с приложением и где имя собственное не склоняется, например, немецкое *Goethe-Strabe*, но в русском языке приложение не используется (*Гёте-улица), а в генитивной модели и при несклоняемых именах сохраняется неловкость при опущении статусной части: «Живу на Гёте» (?!).

⁸ Полный список таких названий имеется в «Реестре названий объектов городской среды Санкт-Петербурга» (www.spbculture.ru/reestr.html); см. также: Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013 (далее — БТЭ).

ся мемориальных топонимов название такой улицы со временем переосмысливается как улица имени кого-то...

В соответствии с этим пониманием изменяется порядок следования частей топонима. Ведь в адъективных образованиях статусная часть следует за основной (*Морская улица*), а в генитивных субстантивных (*улица Даля*) она занимает первое место. Так появляются дополнительные и ложные топонимы «имени кого-то», которые узакониваются затем в своём «статусе» при перестановке частей. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга А. Б. Рыжков, посвятивший данному типу топонимов статью с выразительным названием «Пойду по Опочининой, сверну на Карташихину...», пишет о них: «За годы советской власти они потерялись среди огромного количества “увекочивающих” улиц, наименованных в форме родительного падежа существительного. И теперь в быту и в печати, к сожалению, всё чаще можно услышать “поехал на улицу Бармалеева”, а не “на Бармалееву улицу”, “дом на улице Замши-на”, хотя она — Замшина улица»¹⁰.

Сокращают топонимы не только за счёт статусной части, но и за счёт основной, которая и без того должна быть краткой, иначе она всё равно будет «урезана». Поэтому крайне нежелательны названия из двух и более слов в родительном падеже. Неловко даже подумать, как сокращают названия *улицы Жертв Девятого Января* или незаконной *улицы Западной Границы Города*¹¹.

Кроме явно нежелательной формы существительного в родительном падеже, для обозначения связи объекта с личным именем русский язык располагает отыменными прилагательными с суффиксами *-ов (ев) + -ск-*. Они прибавляются к личному имени (Иван — Ивановский, Николай — Николаевский) и к коротким фамилиям (Блок — Блоковский, Даль — Далевский). Поэтому улица, в 1913 г. названная в честь великого лексикографа В. И. Даля, могла бы стать Далевской улицей, и её жители спокойно общались бы: «Живу теперь на Далевской».

С многосложными фамилиями, однако, возникают трудности. В 2010 г. Топонимическая комиссия обсуждала вопрос о восстановлении названия одного из петергофских проездов, названного в честь А. Г. Рубинштейна после его смерти в 1894 г. (композитор имел здесь дачу). Сам факт возвращения топонима, естественно, никаких разногласий не вызвал. Мнения разошлись лишь в вопросе о его форме. Бюро комиссии предложило вариант *Рубинштейнская улица*, опираясь на то, что именно такой она была в момент присвоения названия. Некоторые члены комиссии (филологи Н. Н. Казанский, Н. Д. Светозарова) сочли, что правильной, хотя, безусловно, более громоздкой, была бы форма *Рубинштейновская улица*. Специалисты по топонимике, в частности А. Г. Владимирович, справедливо усмотрели в этой форме новодел, пусть даже и более правильный с языковой точки зрения. В подтверждение своей позиции эти члены комиссии привели ряд фактов наименования по фамилии без притяжательного суффикса *-ов (Баумгартенская улица* — производное от фамилии Баумгартен; *Шефферский переулок, Кюзенский переулок*).

⁹ Название улицы происходит от некоей фамилии Реншцев, а от слова «реншце» — место, засеянное репой (БТЭ. С. 377).

¹⁰ Рыжков А. Б. Пойду по Опочининой, сверну на Карташихину... // Санкт-Петербургские ведомости. 2007, № 154.

¹¹ В Интернете есть такая заметка: «В Петергофе можно увидеть необычный дорожный указатель. Он утверждает, что с Санкт-Петербургского шоссе можно свернуть на некую “ул. Западной Границы Города”. Как рассказал очевидец, указатель, оформленный по всем требованиям, расположен напротив Михайловки на въезде в новый коттеджный посёлок. В Топонимической комиссии удивились существованию этой улицы. Официально её нет, да и никаких решений не было. Топонимисты предположили, что это рабочее название магистрали, которое было дано на время строительства коттеджей, а те, кто устанавливал табличку, просто не разобрались в ситуации» (kaprovka.net/2009/04/21/4272).

Контрдоводы состояли в том, что если к фамилиям на *-ов, -ев, -ин* прибавляется просто суффикс *-ск-* (Пирогов — Пироговский, Алябьев — Алябьевский, Есенин — Есенинский), то к фамилиям, оканчивающимся на согласный или мягкий знак, добавляется *-ов-* или *-ев-* именно для того, чтобы показать, что прилагательное произведено от фамилии, то есть, скажем, не Гоголевский, а Гоголевский (бульвар). *Штурманская улица* в Авнигородке — явное производное от слова *штурман*, а не от возможной омонимичной ему фамилии, иначе проезда следовало бы назвать *Штурмановский* или по старой модели — *Штурманов проезд*. Впрочем, и здесь возникли бы сложности с восстановлением фамилии: Штурман или Штурманов? Приходится признать, что есть фамилии, неудобные в топонимическом отношении.

Иногда в дело вступают экстралингвистические факторы. Так, например, притяжательная форма от фамилии Нобель — *Нобелевский*. Однако мы вынуждены согласиться с тем, что она уже «заята», поскольку прочно ассоциируется с Нобелевской премией, и принять альтернативную форму *Нобельский*, которую и получил в 2011 г. переулок в Выборгской части, ранее безымянный, «по строениям “Нобельского городка”», вдоль которого он и проходит¹².

Кроме грамматических, существуют и фонетические особенности петербургских городских названий. К ним относится место словесного ударения. Русское ударение может падать, как известно, на любой слог слова и менять место при словоизменении. Поэтому его иногда называют свободным. Однако это не та «свобода», которая позволяет ставить ударение как угодно — в русском языке оно всё же связано со структурой слова. Так, прилагательные мужского рода (а значит, и названия большинства проспектов, переулков, проездов, мостов) имеют суффикс *-ский*, а он предопределяет ударение на корне: *Невский, Измайловский, Айвовский...* Исключением являются лишь двусложные прилагательные *Большой, Лесной, Морской, Прямой, Свечной*¹³.

Переулок на Васильевском острове, названный по реке Вólхов, — *Вólховский*, и это типично петербургское образование. Однако встречается ошибочное написание его с суффиксом *-ской* (связываемое с фамилией купца Волховского, хорошо известного в 1860-е гг. в этом районе), которому соответствует неправильное произношение с ударением на последнем слоге. По радио уже не раз звучало «Обводной канал» вместо нашего *Обводный* — хочется надеяться, что из уст не коренного петербуржца, а того же москвича. В знаменитом топонимическом ансамбле параллельных улиц, названных по городам Подмосковья (*Рязовская, Можайская, Верейская, Подальская, Серпуховская, Бронницкая*¹⁴), петербуржцы произносят всё же Серпуховская, ставя ударение не на первом, а на последнем слоге. Мы говорим и пишем *Стремлянная*, а не Стремная, как было бы правильно. Ударение стремится к середине слова, и современная *улица Марата* — та, которая отходит от Невского проспекта¹⁵, — скорее всего, была когда-то *Грязная*, а не Грязная. А из двух вариантов названия небольшого переулка *Озёрный* или *Озерный* (к сожалению, ударения в БТЭ не поставлены)¹⁶ истинно петербургским кажется первый, как и *Большая* и *Малая Озёрные улицы*.

¹² БТЭ. С. 304.

¹³ Есть ещё *Дровяной переулок* и *Волго-Донской проспект*.

¹⁴ Как тут не вспомнить знакомую с детства остроумную и вполне благопристойную петербургскую мнемоническую формулу, способствующую запоминанию порядка следования этих улиц: Разве Можно Верить Пустым Словам Балерины!

¹⁵ Имеется ещё улица Марата в Володарском.

¹⁶ См.: БТЭ. С. 321.

Два последних примера наглядно показывают, что с местом ударения связано отчасти и употребление буквы *ё*, отсутствие которой в топонимах, как и в других именах собственных, нередко ведёт к неясности или просто к ошибкам. По-настоящему, эту букву надо бы писать всегда¹⁷, даже в случаях, казалось бы, ясных, поскольку не всегда очевидно, где таится возможная трудность произношения. Неиспользование буквы *ё* ведёт не только к чтению гласного как [e] вместо правильного [o], но и к возникновению неоправданных [o].

Есть в Гавани улица, название которой, как правило, пишется *Весёлая*. Реестр названий и БТЭ дают её с буквой *ё* и, соответственно, с ударением на первом слоге. Однако бытует и произношение *Весёлая* с ударением на втором слоге и гласным [e], а не [o], как в первом. Обратимся к орфоэпическим словарям и проверим рекомендуемое произношение относительного прилагательного, образованного от существительного *весло*. «Орфоэпический словарь», изданный в 1983 г., даёт на первом месте форму *весёлый* и в качестве дополнительной — *вёсельный*. Однако новейший «Большой орфоэпический словарь русского языка», появившийся в 2012 г., признаёт правильной форму *вёсельный* и дополнительной, устарелой — форму *весёлый*.

Обратная ситуация с *Планерной улицей*. Ее название Реестр и БТЭ предлагают произносить с [e], а значит, и с ударением на первом слоге. Тогда производящей основой будет *планер*. Или всё же *планёр*?.. Здесь снова наблюдается фонетическая вариативность. Старый произносительный словарь (1983) в качестве основного варианта приводит *планёр* и *плáнер* как дополнительный. Новый орфоэпический словарь (2012) рекомендует *плáнер* в качестве современного нормативного варианта и допускает *планёр* как элемент уходящей (старой) произносительной нормы. Возникает топонимическая проблема: какую же форму надо указывать на табличке и в документах — с буквой *ё* или без неё? Улица новая, «наименована 4 апреля 1988 г., как указано в решении, “в честь первого безмоторного летательного аппарата — планера”»¹⁸. Следует ли учитывать новую тенденцию в произношении?

Язык меняется, изменяется значение слов, какие-то из них забываются, иные заменяются (вспомним известный пример с нашей, да и московской *Моховой улицей*, трансформировавшейся из ставшей непонятной, а значит, скорее всего, и обидной *Хамовой*). Изменяются грамматические и фонетические нормы. Вернёмся к примеру Озёрного переулка. В соответствии с его написанием (зафиксированном уже в 1821 г.)¹⁹ согласно современным правилам следует произносить безударный гласный [e] и ударение ставить на последнем слоге. Однако прилагательное от слова *озеро* в русском языке только одно: *озёрный*. Здесь объяснение также связано с изменением языковой нормы, только уже орфографической. До определённого времени написание буквы *o* в окончании не означало автоматического переноса на него ударения. На Литовском проспекте есть известный микротопоним — Дом Перцова. Старожилы произносят это название только с ударением на первом слоге, несмотря на его написание.

Подобные примеры можно было бы продолжить и дальше, но уже пора завершать эту небольшую статью. Хочется ещё раз подчеркнуть, что сохранение традиций не только в содержании, но и в форме топонимов — одна из задач современной топонимики, и задача непростая, требующая, по сути, своевременного пересмотра всего топонимического лексикона с позиций меняющейся языковой нормы.

¹⁷ Так будет делаться и в нашем журнале. — *Ред.*

¹⁸ БТЭ. С. 345.

¹⁹ В 1798–1822 гг. — *Озёров переулок*. До 1903 г. употреблялся также вариант *Озёрный переулок* (БТЭ. С. 321).

Сведения об авторах

ПЕТРОВ Даниил Викторович

Закончил Санкт-Петербургский государственный университет. Кандидат юридических наук, магистр Университета Манчестера. Работал начальником арбитражного отдела КУГИ Санкт-Петербурга, начальником отдела госполитики адвокатского бюро «ЕПАМ», начальником Департамента управления имуществом ОАО «РЖД». Общественная работа в поисковом отряде «Орёл» (Тверская область). Вице-президент Фонда поддержки исторических традиций «Возвращение». Автор двух монографий и более 30 статей на правовые и исторические темы.

РЫЖКОВ Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. С 2006 г. — член бюро Топонимической комиссии Санкт-Петербурга. Один из авторов «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

СВЕТОЗАРОВА Наталия Дмитриевна

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры фонетики Санкт-Петербургского государственного университета. Автор публикаций по фонетике русского и немецкого языков, словесному ударению, фразовой интонации, фонетическому освоению заимствований, фольклору. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга в 1991–2013 гг.

СИЗЁНОВ Евгений Петрович

Родился и живёт в Колпине. В 1994 г. окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Работал экономистом на промышленных предприятиях. С 2003 г. — заместитель генерального директора лакокрасочного завода «Кронос СПб». Автор нескольких книг, в том числе «Истории Колпина» (2007, в соавторстве), «Топонимики исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпина в стихах и песнях» (2011, в соавторстве), а также публикаций в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (рубрика «Наследие»). Автор раздела «Колпинский район» в «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (совместно с Р. С. Иволгой, 2013).

ТЕРЕНТЬЕВ Евгений Александрович

Родился в Санкт-Петербурге. Окончил бакалавриат и магистратуру Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) по специальности «социология». Работает аналитиком в Центре внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ. Аспирант факультета социологии НИУ ВШЭ. Предполагаемая тема диссертации: «Теоретико-методологическая концептуализация топонимических практик (на примере Москвы и Санкт-Петербурга)».

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 1/2015

От редакции 1

Материалы научно-практической конференции «Топонимия российского города — между прошлым и будущим» (Санкт-Петербург, 19 ноября 2013 г.)

А. В. Петров. На углу «3 Июля» и «25 Октября»: блокадный поворот топонимии.....2

А. Б. Рыжков. Традиционная топонимия как культурно-историческая ценность:
научные подходы и восприятие в массовом сознании (1989–2013).....16

Е. А. Терентьев. Общественная дискуссия о переименовании
советских топонимов в Санкт-Петербурге: опыт социологического анализа.....24

Официальный отдел в Правительстве Санкт-Петербурга

Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 361 от 15 мая 2014 г.
«О присвоении названий безымянным путепроводам Санкт-Петербурга»31

К 70-летию Великой Победы

Е. П. Сизёнов. Военная топонимика города Колпино 33

Историко-топонимические исследования

Н. Д. Светозарова. Языковые особенности петербургской топонимии
и проблема их сохранения38

Сведения об авторах..... 44

Издание подготовлено СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»
при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 8
Тел.: +7(812)764-75-96, тел./факс: +7(812)570-40-45
Email: info@spbicp.ru. Сайт: www.spbicp.ru

Состав редколлегии: Зонин А. С., Ерофеев А. Д., Басов С. А., Никитенко Г. Ю., Хацкевич Е. П.
Главный редактор: Скрелин П. А. Ответственные редакторы: Владимирóвич А. Г., Рыжков А. Б.
Редактор: Мартынов Г. Г. Дизайн, верстка: Абрамова А. О.
Оригинал-макет и печать: «Профи-Центр»

Полное или частичное воспроизведение издания запрещено без
письменного разрешения СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»